ГЭЖС 610
С 295

Д. СЕЙДАМЕТОВ и Н. ШЛЯПНИКОВ

ГЕРМАНО-АВСТРИЙСКАЯ РАЗВЕДКА В ЦАРСКОЙ РОССИИ

ВОЕНИЗДАТ ~ 1939

Д. СЕЙДАМЕТОВ и Н. ШЛЯПНИКОВ

ГЕРМАНО-АВСТРИЙСКАЯ РАЗВЕДКА В ЦАРСКОЙ РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1939

К.
П1984г.

Д. СЕЙДАМЕТОВ и Н. ШЛЯПНИКОВ.

Германо-австрийская разведка в царской России.

Известно, что германо-австрийская разведка задолго до мировой империалистической войны насаждала в царской России шпионские организации. К началу войны эти организации, работавшие под вывеской промышленных, торговых и других фирм, представляли собою широко разветвленную шпионскую сеть, которая доставляла германскому и австрийскому генштабам секретные сведения о готовности царской России к войне, состоянии и вооружении армии и т. д.

В данной книге рассказывается в сжатой форме о деятельности этих шпионских организаций, о методах их работы, о применявшихся ими способах вербовки в свою сеть виднейших царских чиновников и офицерства и о перестройке работы германо-австрийской разведки после начала войны.

Книга рассчитана на командный и начальствующий состав РККА.

ГЖС610
С 295

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

268
39

61227 у

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прусские юнкера и помещики издавна с вожделением смотрели на обширные и богатые территории России. Однако в течение долгого времени эти хищнические устремления не только далеки были от конкретного воплощения, но и не имели законченного выражения во внешней политике Германского государства. Происходило это по причине общей политической, военной и экономической немощи Германии. Существование многочисленных германских, с позволения сказать, государств нередко стояло под сомнением, и в частности сама Пруссия не раз находилась на грани полной гибели.

Особенно показательна в этом отношении Семилетняя война, которую спровоцировал Фридрих II — этот кумир нынешней фашистской Германии, «великий» полководец, прославившийся своими поражениями. По свидетельству крупнейшего военного историка Франца Меринга, в период Семилетней войны «русская армия... приобрела полностью всю провинцию Восточной Пруссии... Померанию и Бранденбург. Почти всегда она разбивала наголову прусские войска... — словом, Россия поставила прусское правительство на край гибели... Пруссия должна была стать не конкурентом России, а ее вассалом...»

«Результатом Семилетней войны,— пишет дальше Франц Меринг,— было для прусского государства и непосредственно для всей Германии не что иное, как зависимость от России...»

Наряду с этим не могли изгладиться из памяти пруссаков и кончавшиеся, как правило, позорным разгромом посягательства немецких «псов-рыцарей» на земли славян. Постоянная опасность быть стертыми с лица земли умеряла пыл и аппетиты рыцарей-хищников.

По мере того как в XIX в. завершался процесс экономического и политического объединения Германии, рождались и внешнеполитические концепции, трактовавшие о необхо-

димости территориальных захватов. Одной из первых ласточек в этом направлении была теория Фридриха Листа, который выдвинул идею борьбы на два фронта — против Англии и России. Относительно последней Лист намечал продвижение зарождавшегося германского империализма по пути: юг России — Кавказ с выходом к Черному морю и с одновременным пресечением экспансии русского царизма на Ближнем Востоке и Балканах.

В 80-х годах прошлого столетия креатура Бисмарка Э. Гартман выступает с более конкретным проектом германской политики на Востоке. Доказывая, что все культурные и политические задачи России лежат не в Европе, а в Азии, Гартман предлагает произвести раздел России. По плану Гартмана, из российских территорий, расположенных к западу от Москвы и прилегающих к Балтийскому морю, должно было быть образовано «Балтийское королевство». Юго-запад России с Украиной и Крымом мыслился как «Киевское королевство». Гартман даже наметил будущую границу, которая у него проходила по линии Витебск — Днепр — Курск — Саратов — Волга — Астрахань. На северо-западе она намечалась под самым Петербургом.

Еще ранее, в период Крымской войны, в дипломатических кругах Пруссии возникла политическая группа, проповедывавшая «восточный вариант» внешней политики, как единственно приемлемый для Германии.

В эпоху расцвета германского империализма с аналогичными теориями выступает целая плеяда немецких «ученых». Один из них, Рошер, утверждал, что все славянские земли, в том числе и Россия, «раньше или позже должны сделаться достоянием великого германского народа».

Другой германский профессор, Карл Иенч, рекомендовал «послать в Россию 10 млн. немецких колонистов», а в случае, если Россия, набравшись «дерзости», решила бы не пускать их, то силой принудить ее к этому.

Наконец, за несколько лет перед первой мировой империалистической войной в Германии вышла анонимная брошюра, в которой обсуждался вопрос предстоящего в ближайшем будущем передела мира между великими державами. На карте, приложенной к брошюре, Россия значилась отброшенной за Волгу. Брошюра рисовала картину переселения русских после захвата европейской части России в Пруссию в качестве батраков прусских помещиков. В свою очередь в Россию должны были массами устремиться немецкие колонисты.

Таковы многочисленные «теории» и теорийки Гартманов, Рошеров и прочих «ученых» и политиков довоенной Германии, определявших необходимость политики «движения на Восток» («дранг нах Остен»). Выдвигавшаяся ими внешнеполитическая концепция не только встретила официальное признание и одобрение в правительственных сферах тогдашней Германии, но и полностью отразила надежды и чаяния немецкой буржуазии. С тех пор (со времен Бисмарка) «движение на Восток» стало составной частью внешней политики Германии.

Германская экспансия на Восток мыслилась в двух направлениях: первый путь шел к юго-востоку через Балканы и Турцию к берегам Евфрата, к Персии и Кавказу; второй шел непосредственно на восток и частично на северо-восток через Прибалтику, Польшу, Белоруссию, Украину и Кавказ. Первый вариант был направлен как против России, так и против Великобритании, кровно заинтересованной в моссульской нефти.

Первыми практическими шагами германского империализма на поприще «дранг нах Остен» явилась борьба с экспансией царской России на Балканах и Ближнем Востоке. Необходимо отметить, что предпринимавшиеся на протяжении второй половины XIX и в начале XX в., вплоть до 1905 г., неоднократные попытки Германии и в частности Вильгельма II сблизиться с Россией имели определенную подоплеку. Заключалась она в том, что Германия своим стремлением к союзу с Россией шантажировала другие европейские страны и срывала невыгодные ей группировки государств. Например, такие попытки, как известное Бьеркское соглашение, имели характер дипломатического маневра, направленного к срыву франко-русского союза и намечавшегося уже оформления Антанты.

Нужно добавить, что в лице «лоскутной монархии» (т. е. Австро-Венгрии) Германия нашла неизменного и послушного участника всех своих внешнеполитических авантюр.

Политика «движения на Восток» явилась тем базисом, на котором строилась в последующем вся подрывная деятельность вильгельмовской Германии против России. Задачам реализации этого лозунга была целиком подчинена и работа германо-австрийской разведки против царской России. Не чувствуя себя достаточно сильной для того, чтобы справиться даже с насквозь прогнившим режимом царской России в открытой войне, Германия решила прибегнуть к уже испытанному во время франко-прусской войны методу пред-

варительного разложения и деморализации тыла намечаемого противника.

Необходимо отметить, что общая обстановка в тогдашней России необычайно благоприятствовала замыслам германского империализма. Его агентуре приходилось иметь дело или с известными своей продажностью и беспринципностью царскими генералами и чиновниками или же со своими соплеменниками, проникшими во все поры военной, политической и экономической жизни страны. Велико было немецкое влияние и при царском дворе.

Немецкий шпионаж в конце XIX в. вступает на дорогу широкой, всеобъемлющей подрывной деятельности в царской России. Перед германским генеральным штабом была поставлена задача: вклиниться в экономику России, затормозив развитие всех областей народного хозяйства, связанных с обороной; разместить вокруг русских крепостей на западе, а также и по основным стратегическим коммуникациям резервы германской армии под видом «колонистов» и наводнить страну армией шпионов.

Впоследствии этот план осуществлялся немецкой разведкой в непосредственном контакте с австрийской. Тесные взаимоотношения и согласованность в работе между германской и австрийской разведками установились примерно в конце 80-х годов прошлого столетия. С этого момента работа австрийской разведки в царской России принимает активный и организованный характер, чего не было раньше.

Германский капитал, и без того крепко запустивший свои щупальцы в экономику России, получил новый стимул к своему дальнейшему проникновению. В 1880 г. германский рейхстаг утвердил правительственный законопроект о так называемых «колонизационных кредитах». Кредиты эти в целях маскировки передавались в распоряжение группы частных банков и обществ, главным образом «Дейче колониальгезельшафт, «Дейче экспортбанк», «Дейчер колониальферейн». Через их посредство и под руководством промышленно-статистического бюро германского генерального штаба происходило дальнейшее распределение денежных средств между немецкими фирмами, работавшими в России. Такая политика не замедлила дать свои плоды. Как грибы после дождя, возникали в самых различных местах России новые германские фирмы, общества, конторы и т. п. Одновременно разрастались и ранее существовавшие. В течение короткого времени немецкий капитал занял господствующее положение в ряде решающих отраслей русской промыш-

ленности. Перед войной ему принадлежали целиком все химические заводы, около 90% предприятий электротехнической промышленности, свыше половины металлургических и металлообрабатывающих заводов, около половины текстильных предприятий и т. д. Так же велико было проникновение немцев в банковскую систему, железнодорожный и морской транспорт, куда ими были вложены значительные капиталы.

Все это дало возможность германскому генеральному штабу затормозить развитие в России военной промышленности и связанных с нею других отраслей народного хозяйства. Попутно было заторможено развитие существующих и изыскание новых источников сырьевых ресурсов, в особенности имеющих стратегическое значение. В области экономической к началу первой империалистической войны германская разведка сумела реализовать значительную часть своего плана по подрыву мощи России, чему немало способствовали общая экономическая отсталость и бескультурье царской России.

Кроме выполнения этих основных своих функций, германские фирмы широко практиковали занятие экономическим шпионажем. Под их вывесками часто укрывались целые шпионские резидентуры и организации. Авторы настоящего труда довольно подробно осветили эту сторону подрывной деятельности германо-австрийской разведки в России.

Следующим по своему значению методом подрывной работы, применявшимся германо-австрийской разведкой в царской России, являлась колонизационная политика. Начало поселения немецких «колонистов» в России нужно отнести к 1762—1770 гг. Царское правительство в первый период колонизации предусмотрительно отводило земли для поселения подальше от границы.

В середине XIX в. прусское правительство неожиданно «заинтересовалось» положением немецких поселенцев в России. В Петербург был командирован некий барон Гакстгаузен со специальной миссией произвести обследование всех немецких «колоний». Нужно полагать, что не одним интересом к быту своих соплеменников вызвана была эта командировка.

Начиная со второй половины XIX в., немецкая эмиграция в Россию резко возрастает, причем на этот раз немецкие поселенцы расселяются почти исключительно в западных пограничных губерниях. В бывшей русской Польше общее количество немцев составляло в 1867 г. 290 тыс. человек,

в 1897 г. их число возрастает до 407 274 человек, а в 1913 г. — до 500 тыс. В одной Волынской губернии вокруг крепости Дубно было поселено 307 тыс. немцев, а в районе крепости Ковно — 15 тыс. немцев. Немецкие поселения окружали со всех сторон и крепость Ивангород. Они располагались вдоль шоссе Киев—Брест-Литовск и по путям, ведущим в направлении Петербурга и Москвы.

Характерно, что земли, конфискованные у польских помещиков за участие в восстании 1863 г., раздавались бывшим в то время наместником Польши графом Бергом (немец по происхождению) не русским и польским крестьянам, а немецким поселенцам.

Немецкая эмиграция в Россию широко поощрялась прусским, а затем германским правительством. Переселенцы получали материальную поддержку в виде долгосрочных кредитов. В России они всецело находились в орбите германского влияния, осуществлявшегося через многочисленные общества и союзы («ферейны»). Эти последние, будучи тесно связаны с германским правительством, получали от него денежные средства и пропагандистскую литературу. Для посещения Германии оказывались всевозможные льготы. Немецкие учителя получали пособия из средств немецкого школьного союза и снабжались агитационным материалом. Делалось все для того, чтобы превратить немецкого поселенца в России в послушное орудие для подрывной работы.

В этом отношении мощным средством в руках германской разведки была лютеранская церковь. Служители церкви — пасторы сплошь были немецкими разведчиками и пропагандистами идей пангерманизма. Немалую роль играл и германский баптистский союз. Один из его представителей, Карл Ондра, объезжавший в 70-х годах прошлого столетия баптистские общины в России, как было установлено царской полицией, являлся крупным немецким шпионом.

Когда в 1887 г. в России был издан закон, воспрещавший иностранным подданным приобретать в собственность в пограничной полосе земли и недвижимое имущество, выход был быстро найден в применении немцами «двойного подданства». Перед войной в России проживало около 100 тыс. немцев с «двойным подданством». Таким путем было устранено внезапно возникшее препятствие.

По переписи 1897 г. число жителей царской России, признавших за свой родной язык немецкий, составляло 1 813 тыс. человек. Из этого количества 1 488 тыс. немцев проживало

в пограничных с Германией и Австрией губерниях, из них 1 300 тыс. являлись непосредственно выходцами из Германии. И это количество неуклонно росло вплоть до самой войны, достигнув тогда свыше 2 млн. человек. Характерно, что, например, за тридцать лет (до 1914 г.) владения Германией колониями в Африке и других местах туда было переселено только 20 тыс. немцев-колонистов.

Переселение из Германии происходило организованным порядком. Отбор переселенцев в Германии производился в соответствии с их «политической благонадежностью» и преданностью идеям германизма. После переселения в Россию старательно насаждалась в среде поселенцев кулацкая прослойка. Все это вело к тому, что в целом ряде случаев германской разведке удавалось превращать немецкие поселения на западе и юго-западе России в настоящие гнезда шпионажа.

Немецкая «колонизация» в России осуществлялась по плану, разработанному германским генеральным штабом; на это явно указывал тот факт, что немецкие поселения располагались по основным стратегическим направлениям и вокруг крепостей.

Осуществляя «колонизационный метод» подрывной работы, германская разведка в своих задачах далеко выходила за рамки организации шпионажа и диверсий. Целью ее являлось создание в России, в тылу русской армии, опорных стратегических пунктов. Отдавали себе в этом отчет и царские генералы. Еще в 1881 г. начальник штаба Киевского военного округа генерал Косич писал: «Наплыв немецких поселений в Юго-западном крае дал основание предполагать, что все это идет систематически и поддерживается германским правительством, что у нас организуется и обучается целое германское воинство».

Еще резче расценила этот маневр германского генерального штаба иностранная печать. В связи с предпринятым выселением из пограничных районов России немецких поселенцев английская газета «Таймс» в 1887 г. писала: «Не надо забывать, что большинство выселенных колонистов состоит в резерве германской армии и что в случае войны они могли бы неожиданно образовать враждебные банды, уже знакомые с топографией края, с его средствами и спокойно занимающие самые важные стратегические пункты».

Отсюда понятно также, почему в 1905—1906 гг., когда некоторые немецкие поселенцы в России возымели желание вернуться в Германию, правительство Германии перепо-

лошилось и восстало против этого «антипатриотического» поступка. На то обстоятельство, что германское правительство рассчитывало в «подходящий» момент найти в немецких поселенцах, проживавших в России, опору своих агрессивных устремлений, указывала и сама немецкая печать.

В вышедшей в Германии перед войной брошюре под заглавием «Где находится большая часть Германии?» говорилось, что она находится «...в России от Балтийского до Черного моря», и указывалось, что в России «...мы найдем земляков, на которых можем опереться, и таким образом, не подвергая себя голоду, заставим русских с голоду подписать угодные нам условия мира, так как японцы с востока отрежут им пути доставки провианта».

Писали об этом неоднократно и немецкие газеты.

Дети немецких поселенцев — германских подданных, проживавших на западе и юго-западе России, по достижении ими 21 года получали предписание от германских консулов о явке для призыва в Германию, где они были приписаны к призывным участкам.

Среди немецких поселенцев усиленно культивировался стрелковый спорт. Стрелковый «ферейн» представлял собой целый союз обществ, состоявших из отрядов хорошо обученных и прекрасно обмундированных и вооруженных стрелков. В отрядах систематически проводилось военное обучение.

Наряду с этим германская разведка широко использовала немецких поселенцев для ведения шпионажа. Каждый германский подданный из числа поселившихся в России, имевший офицерское или унтер-офицерское звание, имел еще другое, нелегальное, наименование — «кениглихер информатор». Наблюдению каждого из них поручался самостоятельный участок, который он обязан был знать лучше всяких карт и справочников. Время от времени его вызывали в Германию для прохождения повторных военных занятий, где он одновременно отчитывался и в своей разведывательной деятельности. При каждой русской воинской части также состоял подобный «информатор».

Таким путем на протяжении многих десятилетий плелась австро-германской разведкой тонкая, зачастую неосязаемая паутина шпионажа, сложной системы вредительства, пропаганды и тому подобных методов подрывной работы. Вся совокупность противоречий социального порядка в царской России, весь насквозь прогнивший режим Николая Кровавого, с его типичными для капитализма чертами продажности и взяточничества, в сочетании с подрывной деятель-

ностью германо-австрийской разведки и определили общую экономическую и военную отсталость России. В таких условиях царская Россия, естественно, не была подготовлена к войне вообще и к продолжительной в частности.

Особый, резко выраженный характер прямой подготовки к войне приняла подрывная деятельность австро-германской разведки в последнее десятилетие перед возникновением империалистической войны 1914—1918 гг. Авторы данной книги тт. Сейдаметов и Шляпников довольно обстоятельно освещают этот период деятельности австро-германской разведки против царской России.

Однако, несмотря на то, что вся внутренняя обстановка царской России целиком отвечала требованиям германской разведки, ее многолетняя работа не сказалась на самом ходе войны в той мере, в какой это можно было ожидать. Огульное использование, без тщательной проверки, всей массы поставляемых осведомительных материалов повело в ряде случаев к грубым ошибкам. Слабым местом в работе австро-германской разведки в России был еще так называемый групповой метод (применявшийся ею и в других странах), который в результате привел к тому, что большинство ее агентурной сети находилось на учете русской контрразведки. Если бы не упомянутые выше продажность и беспринципность царских генералов и чиновников, парализовавшие нормальную работу русской контрразведки, то с началом войны картина была бы аналогична английской (т. е. вся сеть была бы обезврежена).

Однако это обстоятельство не помешало русской армии во время первой империалистической войны неоднократно бить немцев, не говоря уже об австрийцах.

Германский фашизм, придя в январе 1933 г. к власти, не принес чего-либо нового в области внешней политики Германии и ее исконного орудия — подрывной работы. Хотя Гитлер в своей книге «Моя борьба» и распушил внешнеполитические концепции Вильгельма II, но впоследствии в своей практической деятельности воспринял целиком ту же политику «дранг нах Остен», ту же политику непрерывного шантажа и блефа.

Фашистская разведка также многое позаимствовала из арсенала Штибера и его преемников. Система подрывной работы, ныне практикуемая гитлеровцами, во многом схожа с организацией немецкой разведки довоенного периода.

Однако, если в шпионской деятельности Штибера в некоторых случаях имели место подлинные примеры ловкости

и изобретательности человеческого ума, то современные Николаи этим похвастать не могут. Применяемые ими методы работы не блещут особой утонченностью или хитроумием, они стали только во много раз гнуснее, подлее и наглее.

Если в хищнической агрессии «Третьей империи» и способах ее осуществления оказалось много тождественности с империалистическими устремлениями гогенцоллерновской Германии, то зато резко изменилась обстановка в худшую для фашистов сторону.

Вильгельмовская Германия имела объектом своих устремлений на Востоке культурно и экономически отсталую, разъедаемую режимом самодержавия и слабую в военном отношении царскую Россию. Гитлеровская же Германия имеет перед собой одну из крупнейших индустриальных стран мира, обладающую неисчерпаемыми экономическими и людскими ресурсами и располагающую сильнейшей в мире армией,— великий Советский Союз.

Произошли за это время изменения и в самой Германии. Изрядно потрепанная за годы первой империалистической войны, Германия в результате ее вконец подорвала свою экономику. В послевоенный период, вплоть до 1929 г., народное хозяйство Германии не смогло достигнуть уровня 1913 г. Наступивший затем небывалый в истории мировой экономический кризис наиболее сильно ударил по Германии и не только приостановил дальнейший рост промышленности, но вновь привел германскую экономику на грань катастрофы. В итоге же последовавшего затем гитлеровского владычества Германия превратилась в страну-концентрационный лагерь, раздираемую внешними и внутренними противоречиями, зажатую в тиски голода и пресловутой «автаркии».

Вот этих в корне изменившихся условий, повидимому, и не учитывают хозяева «новой Германии», как они не учитывают и того обстоятельства, что политика «движения на Восток» может получить свое окончательное завершение не где-нибудь на Востоке, а на Западе, на берегах Шпрее, водой из которой донские казаки еще в 1760 г. поили своих коней.

В. Минаев

ВВЕДЕНИЕ

К 1905 г. в царской России орудовало свыше полутора десятков основных шпионских организаций германо-австрийской разведки. Одна группа из них — австрийская — действовала, главным образом, на юго-западе России, в пределах Киевского и Одесского военных округов. Щупальцы другой группы, «работавшей» в пользу Германии, были раскинуты по всей необъятной российской территории. Основная сеть германской разведки расположилась в радиусе намечавшегося театра военных действий—нынешних Польше, Литве и в Петербургском военном округе.

Центр, руководивший деятельностью обеих шпионских групп, находился в Петербурге, в стенах германского и австрийского посольств.

Германо-австрийская разведка проникла в самые верхи военного управления России. Секретнейшие военные документы систематически попадали в руки германской и австрийской разведок. Весь план подготовки России к войне 1914—1918 гг. был известен обеим разведкам, и они немало сделали для того, чтобы сорвать боеспособность русской армии.

В значительной мере была парализована военная разведка России в Германии и Австрии. Списки русских агентов, направлявшихся в эти страны, и даваемые им задания во многих случаях оказывались известными германской и австрийской контрразведкам, и этих агентов легко ловили и быстро ликвидировали.

Одним из крупнейших пособников германо-австрийской разведки в России оказался тогдашний военный министр, друг царя — генерал Сухомлинов. При его помощи военное министерство России было наводнено шпионами, и оно из органа, руководящего и укрепляющего военную силу России, превратилось в своеобразную шпионскую резидентуру, в орган, парализовавший боевую мощь русской армии.

На положении соучастника Сухомлинова был начальник контрразведывательного отделения Главного управления генерального штаба России Ерандаков, который абсолютно не вел никакой борьбы с подрывной деятельностью германо-австрийской разведки.

Не менее крупную роль, чем Сухомлинов, в системе германо-австрийского шпионажа играл жандармский подполковник Мясоедов, который являлся прямым агентом германской разведки. В министерстве внутренних дел на ответственнейших постах также оказались крупные германо-австрийские шпионы. И не удивительно, что при попустительстве царской охранки и самого Николая II эти шпионы «работали» дерзко и нагло, хотя их деятельность не была тайной для многих. Вред, причиненный русской армии подрывной деятельностью германо-австрийской разведки, по своим размерам огромен, он сказывался на всем протяжении первой мировой империалистической войны. Ни одна удачная операция германского командования на восточном (русском) фронте, и в том числе окружение самсоновской армии, не имела по своим последствиям и десятой доли того колоссального урона, который нанесла боевой мощи царской России германо-австрийская разведка.

Нити многочисленных германо-австрийских шпионских организаций, орудовавших в России, сходились у советника германского посольства фон Люциуса, советника австрийского посольства графа Чернина и у военных атташе обеих упомянутых стран. На периферии руководство осуществляли германские и австрийские консулы. Направляли и координировали подрывную деятельность обеих разведок, независимо от районов обслуживания, немцы.

СУХОМЛИНОВ, МЯСОЕДОВ И КОМПАНИЯ

Киев являлся основным центром на юго-западе России, который привлекал особое внимание австрийской разведки. В этом городе и нашла свое пристанище ее штаб-квартира.

Наиболее колоритной фигурой австрийского шпионажа в России в довоенный период был некий Александр Альтшиллер. Еще в 1872 г., семнадцатилетним юношей, Альтшиллер переселился из Австрии в Киев. Этот предприимчивый человек открыл в Киеве комиссионную и транспортную контору и склад земледельческих орудий. Жизнь ему все больше улыбалась; он стал директором-распорядителем машиностроительного завода и собственником домов

в Киеве. Однако основным занятием Альтшиллера не были торговля и коммерция. Все коммерческие дела являлись лишь прикрытием его шпионской деятельности, его конторы были явочными квартирами для шпионов.

В это время командующим войсками Киевского военного округа и генерал-губернатором Киевской, Подольской и Волынской губерний был генерал Сухомлинов. Альтшиллер получил задание попытаться тем или иным способом втянуть ген. Сухомлинова в шпионские сети. Вовлечение его в шпионскую организацию открывало бы блестящие перспективы для австрийской разведки. Выбор Сухомлинова как объекта, могущего стать ценным агентурным источником, был, конечно, не случаен. Последующие события показали это со всей очевидностью.

Рискованное и трудное с первого взгляда задание австрийской разведки оказалось на деле не таким трудным и рискованным. Альтшиллер затеял это предприятие в 1908 г. «Талант» и нюх крупного разведчика подсказывали ему, с чего начать. Зная, что Бутович — жена одного местного помещика — находится в интимных отношениях с Сухомлиновым, Альтшиллер решил прежде всего завербовать ее. Бутович, женщина легкого поведения, готовая все отдать ради роскошных нарядов и разгульной жизни, быстро очутилась в сетях австрийской разведки. Затем «знакомство» с Бутович помогло Альтшиллеру втереться в доверие к ген. Сухомлинову.

Прошло немного времени. По предложению Бутович, Сухомлинов поручил Альтшиллеру ведение ее бракоразводного дела. С целью еще большего сближения с Сухомлиновым Альтшиллер принял это поручение и с большой ловкостью его обделал. Посредством ложных показаний и взяток он добился развода Бутович с ее первым мужем.

Несомненно, участие Альтшиллера в этом бракоразводном деле поставило его в ряды интимных знакомых Сухомлинова. После женитьбы Сухомлинова на Бутович австрийский шпион был уже свой человек в семье видного царского сатрапа. Незаметно в ближайшем окружении Сухомлинова появляются и другие австрийские агенты, работавшие в Киевском военном округе. Одним из таких агентов был начальник Киевского охранного отделения Кулябко. Через Кулябко Сухомлинов знакомится с провокатором и австрийским агентом Богровым. В дальнейшем Сухомлинов устанавливает «дружественные» отношения с другим

агентом австрийской разведки — богатым киевским колбасником и хозяином «Троицких бань» Поляком.

Эта теплая компания систематически собиралась «проводить время» в доме Богрова на Бибиковском бульваре. Сюда же инкогнито приезжали великая княгиня Мария Павловна и великий князь Борис Романовы. Для того чтобы избежать «неприятностей» при посещении этого притона, Сухомлинов загримировывался и переодевался то в черный салонный костюм, то в костюм извозчика.

По указанию Марии Павловны и Бориса Романовых и при активном участии Сухомлинова и Кулябко в доме Богрова шла подготовка убийства Столыпина. Вместо Столыпина на пост премьер-министра намечался Сухомлинов. Австро-германская разведка была кровно заинтересована в назначении его на этот пост. Уже в то время через окружавших Сухомлинова шпионов австрийская разведка добывала самые секретные сведения, касающиеся Киевского военного округа.

Альтшиллер не пользовался в Киеве хорошей репутацией. Частые отлучки его в Вену и Берлин, близкие отношения к австро-венгерскому консулу в Киеве создавали вокруг него неблагоприятную атмосферу. Его открыто подозревали в том, что он занимался шпионажем в пользу Австро-Венгрии. Ввиду этого особая близость Альтшиллера к Сухомлинову обращала на себя всеобщее внимание.

Несмотря на все это, Сухомлинову «везло». Он уверенно и неуклонно шел вверх по служебной лестнице. В конце 1908 г. его назначили начальником Главного управления генерального штаба. Не прошло и года после этого, как он стал военным министром России.

С переходом Сухомлинова в военное министерство Альтшиллер часто ездил к нему в Петербург. В целях лучшей связи с Сухомлиновым в начале 1910 г. Альтшиллер сам переселился в Петербург и на улице Гоголя открыл отделение конторы Южно-русского машиностроительного завода.

О все возраставшей близости Альтшиллера к Сухомлинову говорил следующий факт. В 1911 г. был поднят вопрос о постройке железной дороги от станции Жлобин до румынской границы. С этой целью была организована специальная комиссия. По указанию Сухомлинова направление дороги было неожиданно изменено. Для выяснения этого обстоятельства член комиссии, гласный Волынского губернского земства, Добрынин поехал в Петербург для переговоров с Сухомлиновым. Но здесь он был встречен враждебно. Тогда, зная о хороших отношениях, существовав-

ших между Сухомлиновым и Альтшиллером, «проситель из провинции» догадался, через кого можно узнать истинное мнение военного министра по своему делу. Из беседы с Альтшиллером Добрынин убедился, что тот был осведомлен о приеме его Сухомлиновым во всех подробностях. Ничего удивительного в этом не было. При Альтшиллере в доме Сухомлинова велись беседы на самые секретные темы, причем Альтшиллер разговоры о военных делах предпочитал всяким другим.

Адмирал Григорович на одном из заседаний совета министров признал необходимым предупредить Сухомлинова об опасностях дружбы с Альтшиллером, заподозренным в шпионаже. Но военный министр, заехав к нему на следующий день, убеждал его, что такие подозрения лишены основания.

Со времени переезда Сухомлинова, а затем и Альтшиллера в Петербург последний бывал в доме военного министра ежедневно. В знак «дружбы» Альтшиллер подарил жене военного министра коллекцию мехов стоимостью в несколько десятков тысяч рублей. Сухомлинов, дряхлый старик, женившись на молодой авантюристке Бутович, все больше и больше влезал в окружавший его шпионский омут. Разгульная жизнь жены требовала от него громадных средств. Через Альтшиллера Сухомлинов начинает заниматься игрой на бирже. С помощью секретных фондов германо-австрийской разведки биржевая игра оказалась для Сухомлинова новым источником доходов. Таким путем германо-австрийская разведка «благодарила» своего нештатного пособника.

Немало способствовали упрочению влияния Сухомлинова при царском дворе его германофильские настроения. Они помогли Сухомлинову установить тесные связи с помещичье-генеральскими кругами русских немцев, имевших в окружении Николая Романова большой вес.

Почти одновременно с Сухомлиновым на петербургском горизонте появился подполковник Мясоедов.

Приехав в Петербург, Мясоедов уже имел за своими плечами порядочный стаж работы на шпионском поприще.

Пьяница и садист, взяточник и контрабандист, став в 1902 г. сперва помощником начальника, а затем и начальником вержболовского отделения петербургского железнодорожного жандармского управления, Мясоедов пробыл на этой должности до 1907 г. Находясь в Вержболове, Мясоедов имел все возможности для широкой шпионской дея-

тельности на вверенном ему посту. Этому особенно способствовали его частые поездки за границу «на лечение».

В штабе отдельного корпуса жандармов было известно о том, что Мясоедов поддерживает наилучшие отношения с германскими властями и лично известен императору Вильгельму II. Затем появились сведения, что Мясоедова, приглашенного в сентябре 1905 г. в имение Ромингтен, расположенное в 15 км от границы, милостиво принял германский император. На обеде, беседуя по душам с Мясоедовым, преданным слугой германского престола, в порыве благодарности Вильгельм II даже поднял бокал за его здоровье. Мясоедов не скрывал своего «расположения» к Германии. Он имел в своей квартире большой портрет Вильгельма II с его собственноручной подписью.

Еще во время Русско-японской войны в стране начали усиленно говорить о подозрительной деятельности Мясоедова, о его «расположении» к Германии и связях с австрийскими кругами в России. Царское правительство не спешило с расследованием и не желало распутывать все эти темные дела.

Наконец, под давлением общественного мнения, царское правительство в 1906 г. решило начать расследование, но для того только, чтобы замять мясоедовское дело. Чиновник особых поручений министерства внутренних дел Губонин нашел нужным лишь отметить, что «...Мясоедов во время службы в Вержболове проводил большую часть времени за границей, относясь к своим служебным обязанностям пренебрежительно». Основной же вопрос: шпион ли Мясоедов или нет, не получил ответа.

Через год, когда дело приняло скандальный характер, Мясоедова уволили со службы в запас.

Довольный исходом дела, Мясоедов совместно с Борисом и Самуилом Фрейдбергами, владельцами торговой конторы Карсберг и К°, тоже тайными агентами Германии, учреждает акционерное общество «Северо-западное пароходство». В 1909 г. Мясоедов избирается председателем этого общества. «Северо-западное пароходство» развертывает большую работу по собиранию секретных военных сведений, занимается переправой разведчиков из Германии в Россию и обратно, а попутно и контрабандой.

Шпионская деятельность этого «почтенного» общества долго не могла быть скрытой. Когда сведения о ней прогремели на всю Россию, министерство внутренних дел вынуждено было расследовать его деятельность. Чиновник

особых поручений при министерстве внутренних дел Фрейнат представил следующие выводы: «Северо-западное пароходство» является чисто коммерческим учреждением и никакими противозаконными делами не занимается». Конечно, другого результата «расследования» и нельзя было ожидать, так как Фрейнат сам входил в шпионскую организацию, во главе которой стоял председатель обследуемого им акционерного общества. Мясоедов продолжал действовать. Но его уже не совсем удовлетворяла работа в «Северо-западном пароходстве». Он стал снова стремиться попасть в органы министерства внутренних дел.

С этой целью 1 сентября 1909 г. Мясоедов написал письмо П. А. Столыпину, перечисляя свои заслуги перед царским режимом: «В трудное время смуты я немедленно в корне прекращал все попытки к забастовкам благодаря тому авторитету, которым я пользовался в Вержболове среди железнодорожных служащих и местных жителей. Одно мое появление среди забастовщиков немедленно отрезвляло их. Я задерживал массу революционеров, десятки тысяч экземпляров революционных изданий. Я всегда оказывал полное содействие охранным отделениям и их агентам. С соседями-немцами я умел поддерживать наилучшие отношения, устранял столкновения и пользовался их уважением. Германский император, до которого дошли слухи о моей служебной корректности и умении улаживать пограничные отношения, ежегодно, в течение 4 лет, удостоивал меня милостивым приглашением к своему высочайшему столу в имении Ромингтен, чего он, вероятно, не сделал бы, если бы у меня была сомнительная репутация». Столыпин, оставив письмо Мясоедова без ответа, сказал: «Не пускать его к границе ближе меридиана Самары».

Знакомство Сухомлинова с супругами Мясоедовыми состоялось в Петербурге, в доме жены сенатора Викторова, в 1909 г. Официальное знакомство вскоре превратилось в тесную дружескую связь между обоими семействами.

Супруги Сухомлиновы уже в августе 1910 г. жили вместе с Мясоедовыми в Карлсбаде. В найденном впоследствии, во время обыска, у экономки Сухомлиновых Марии Францевны Кюнье письме, посланном ей Сухомлиновым из Карлсбада, писалось: «Мясоедовы с нами в том же доме, Сергей Николаевич усердно лечится». К тому же времени относится и письмо, обнаруженное у жены Мясоедова. Это письмо было написано Сухомлиновой на яхте «Нева».

В нем она сообщает: «Супруга вашего видела и уговаривала его ехать с нами в Карлсбад».

Создавшаяся таким образом близость отставного подполковника Мясоедова к военному министру возбудила тревожные опасения среди ближайших знакомых и подчиненных Сухомлинова. Узнав о намерении военного министра встретить новый год у Мясоедовых, жена состоявшего при Сухомлинове штабс-капитана Коломнина со слезами отговаривала Сухомлинову от этого шага, ссылаясь на то, что Мясоедова считают темной личностью и подозревают в шпионаже. Но вошедший во время этого разговора в комнату Сухомлинов, узнав о причине слез Коломниной, стал ее успокаивать, убеждая, что все слухи о Мясоедове не имеют оснований. В числе приглашенных к Мясоедовым на встречу нового года был и адъютант военного министра Булацель. Он, однако, отклонил это предложение, заявив Сухомлиновой, что с людьми, подобными Мясоедову, он не желает вступать в близкие отношения.

Несмотря на то, что Мясоедов и в «Северо-западном пароходстве» продолжал выполнять свои функции германского шпиона, это все же не устраивало его хозяев. Германо-австрийская разведка настойчиво потребовала от Мясоедова, чтобы он устроился на работу в военное министерство. Дело это было нелегким, поскольку Мясоедова незадолго до этого обвиняли в шпионаже в пользу Германии. Для того чтобы придать делу официальный характер, Мясоедов решил предварительно восстановиться на работе в жандармском управлении. В сентябре 1911 г. Мясоедов через голову министра внутренних дел, по повелению Николая II, был восстановлен на работе в отдельном корпусе жандармов. Спустя несколько месяцев, по просьбе Сухомлинова, Мясоедов был переведен на работу в военное министерство.

По этому поводу А. И. Гучков на верховной следственной комиссии, образованной в 1915 г., показал: «Генерал Сухомлинов делает попытки привлечь к себе на службу Мясоедова и обращается к министру внутренних дел Столыпину с просьбой о возвращении Мясоедова на службу в корпус жандармов, с откомандированием его в распоряжение военного министра. Мне известно, что Столыпин настойчиво отказывал в этом ходатайстве и что в этом отказе его поддерживал и бывший в то время товарищем министра внутренних дел Макаров, которому была хорошо известна личность и прошлая служба Мясо-

едова. Однако Столыпину пришлось вскоре уступить более сильному влиянию. Мясоедов, по возвращении на службу, по моим сведениям, был приставлен к делу, с одной стороны, борьбы с иностранным шпионажем, а с другой стороны, сыска по политическим делам, возникающим в армии, причем его личная близость к генералу Сухомлинову придавала ему в отмежеванной ему сфере деятельности громадную власть. Эта служебная роль Мясоедова в связи с характеристикой его личности повергла меня, само собой разумеется, в самую большую тревогу: в руки человека, основательно подозреваемого в прикосновенности к шпионству, передавались борьба с этим самым шпионством и судьба русского офицерства».

В военном министерстве Мясоедову было поручено установить слежку за офицерами, чтобы, обвинив в неблагонадежности неугодных Сухомлинову лиц, окружить его своими людьми.

После того как Мясоедов устроился на работу в военное министерство, германо-австрийская разведка пытается через него установить фамилии, имена и методы работы разведчиков царской России, направлявшихся в Германию и Австрию.

Имея доступ к письмам и донесениям русских агентов, работавших за границей, Мясоедову было нетрудно выполнять это задание. Он приносил их «для доклада» военному министру, а затем фотографии и копии этих документов передавал германской разведке.

О состоявшемся прикомандировании Мясоедова к военному министру Макаров, назначенный после убийства Столыпина министром внутренних дел, узнал по вступлении своем в должность. Имея крайне неблагоприятные сведения о Мясоедове, он дважды предупреждал Сухомлинова об опасности приближения к себе такого лица. Но и эти предупреждения, понятно, не произвели впечатления на военного министра. Мясоедов в то время даже хвастал особым доверием Сухомлинова к нему. В подтверждение он рассказывал, что военный министр, не рискуя довериться фельдъегерю, поручил ему однажды отвезти начальнику Главного управления генерального штаба особо секретный документ — союзный договор с Францией — в незапечатанном виде.

Командующий Киевским военным округом ген. Иванов вскоре стал сообщать, что контрразведке в округе удается иногда перехватывать корреспонденции австрийских аген-

тов, посылаемые из Петербурга в Вену. Из корреспонденций, писал он, выясняется ужасающий факт: агенты эти очень хорошо осведомлены обо всем, что делается в ближайшем окружении военного министра, в его доме, вплоть до его разговоров с царем о военных делах.

Сообщение ген. Иванова осталось без последствий. Мясоедову огромную помощь оказывала полная бездеятельность начальника контрразведывательного отделения Главного управления генерального штаба России Ерандакова, который не вел фактически никакой борьбы с иностранным шпионажем. В отношении Мясоедова и его шпионской деятельности Ерандаков внешне проявлял полное «неведение».

В показаниях на чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. Ерандаков вынужден был признать свои близкие отношения к Мясоедову. Но он старался придать этому невинный характер. Ерандаков говорил, что он в дом Мясоедова ходил часто, но только с целью сыска за ним. «Так как осуществлять наблюдение за Мясоедовым, — показывал Ерандаков, — обычным порядком не представлялось удобным, так как Мясоедов как жандармский офицер знал приемы наблюдений, то я выполнял наблюдение исключительно путем личного с ним контакта».

По показаниям Ерандакова выходило, что до разоблачения Мясоедова он о шпионской деятельности Мясоедова точных и существенных фактов не знал, хотя вся Россия о них знала и говорила. «Никто, — говорил в своих показаниях Ерандаков, — в мое распоряжение точных сведений о прикосновенности Мясоедова к шпионажу не доставлял. Агентурные же сведения, если таковые и были, но настолько незначительны, что я их не помню и они не давали с формальной стороны достаточного повода для ликвидации Мясоедова...»

О шпионской обстановке, которая сложилась вокруг Сухомлинова, Гучков рассказывал на следственной комиссии такой эпизод: «Г-жа Сухомлинова больна, лежит в постели, но принимает. В ее спальне собралась обычная компания: Мясоедов, Альтшиллер и др. Тут же за столом сидит и военный министр, просматривая лежащие перед ним бумаги. Входит вестовой и докладывает военному министру, что его зовут к телефону. Министр выходит и оставляет бумаги на столе, и мой очевидец наблюдает, как Альтшиллер, прохаживаясь по комнате, подходит к столу, осматривается, не видит ли кто, и пробегает открытую страницу, затем делает попытку перевернуть страницу, чтобы продолжать свое чте-

ние. В это время к нему подходит один из присутствовавших там же офицеров, кладет руку на бумаги и говорит: «Извините, это бумаги военного министра». Альтшиллер отходит от стола и спокойно продолжает прогулку».

Некоторые видные представители русской буржуазии и помещиков под давлением общественного мнения в 1912 г. вновь выступили против Мясоедова, оставляя, однако, в тени других германо-австрийских шпионов и их пособников сверху, т. е. при царском дворе. Мясоедова избирают мишенью для нападок, главным образом, на страницах газеты «Вечернее время» и в выступлениях Гучкова в Государственной думе.

Мясоедов, став в позу «невинно оскорбленного», вызвал Гучкова на дуэль. Дуэль, вернее комедия дуэли, как этого многие и ожидали, кончилась безрезультатно. В том же году Мясоедов на бегах, на глазах многотысячной публики, избил редактора «Вечернего времени» Суворина.

Весь этот шум с дуэлью и избиением редактора «Вечернего времени» был необходим Мясоедову как одно из «оглушающих» средств, убеждающих в его невиновности.

В царской России эта форма убеждения оказала свое действие. Мясоедов добился удовлетворения «как дворянин» и продолжал работать под высоким покровительством еще почти три года.

Между тем диапазон германо-австрийской разведки в царской России все ширился.

Она, проникая в душу и мозг военного ведомства, парализовала, расшатывала, подтачивала военную мощь России. Даже влиятельные люди, возмущенные открытым предательством интересов родины, не могли, однако, помешать этому. Преступников укрывали властители царской России, им помогала продажность ее чиновников, взяточничество, интриги, бюрократизм, царивший во всем государственном аппарате произвол.

Мясоедова сплошь окружали германские и австрийские шпионы. Видное место среди них занимала Анна Аурих — корреспондентка берлинских газет, находившаяся в постоянном общении с осужденным впоследствии за шпионаж бароном Унгерн-Штернбергом. Она являлась одной из самых деятельных сотрудниц руководителя немецкого шпионажа в России — советника германского посольства фон Люциуса и его подручного — офицера германского генерального штаба Зигфрида Гея, проживавшего в Петербурге под видом представителя одного из немецких телеграфных агентств.

Зигфрид Гей возглавлял группу, занимавшуюся в Петербурге шпионажем. Для ведения шпионской деятельности Гей регулярно получал из германского посольства крупные суммы денег. Под непосредственным руководством его работали: Кюрц, упомянутая Анна Аурих, барон Унгерн-Штернберг и офицер германского генерального штаба, приехавший в Россию также под видом корреспондента, Рихард Ульрих.

Гостиница «Франция» в Петербурге являлась одним из сборных пунктов группы Гея.

Незаменимым другом Сухомлинова и Мясоедова был «доктор философии» Полли-Полачек. В Россию он приехал как представитель заграничных оружейных фирм и, по рекомендации тогдашнего германского посла графа Альвенслебена, был представлен министру финансов Коковцеву. Он быстро пришелся ко двору. По рекомендации Коковцева Полли-Полачек был вызван в главное артиллерийское управление, где вел переговоры о заказах на артиллерийское вооружение.

Через некоторое время Полли-Полачек был арестован по подозрению в шпионаже. У него оказались секретные документы, касающиеся артиллерийского вооружения русской армии. При допросе Полли-Полачек объяснил, что чертежи орудий и данные об артиллерийском вооружении он получил легально как представитель оружейных заводов.

Ближайшей сотрудницей Полли-Полачека была некая баронесса Геда Зейдлиц, которая осуществляла связь между Полли-Полачеком и германо-австрийской разведкой. Баронесса Зейдлиц с этой целью совершала регулярные рейсы между Германией и Россией.

Полли-Полачек был также связан в своей шпионской работе с бароном Унгерн-Штернбергом.

Когда ротмистр Бенсон пытался разоблачить мнимого представителя оружейных фирм, то через Сухомлинова были приняты меры к тому, чтобы заставить его замолчать. Полли-Полачек как «невинно» оскорбленный вызвал Бенсона на дуэль, а затем Бенсон был арестован за распространение «сплетни» о честном коммерсанте.

К друзьям Мясоедова принадлежала и некая баронесса Штемпель. Часто устраивая у себя приемы для политических и военных деятелей России, баронесса старалась из разговоров и всякими иными путями извлечь сведения о государственной обороне. Некоторые из ее посетителей вполне сознательно способствовали ее шпионской деятельности. Строитель кронштадтской крепости генерал Шишкин, побы-

вал как-то у баронессы в гостях, «забыл» в ее салоне свой портфель с планами сооружений.

Весной 1914 г. вновь возник вопрос о том, что, по всем данным, Полли-Полачек шпион. И на этот раз Сухомлинов не дает хода этому делу. Мало того, в ответ на письмо Полли-Полачек с просьбой о реабилитации Сухомлинов вызвал его к себе в министерство и передал ему лично, что расследовал эти «сплетни» и может заверить, что ему ничто не угрожает.

Одним из ближайших друзей Мясоедова был барон Гротгус. Мясоедова и Гротгуса повсюду можно было видеть вместе. Когда Мясоедов приезжал из Вержболова в столицу, он останавливался на квартире барона. Шпион Гротгус был фаворитом петербургского генерал-губернатора Трепова. Он пользовался у него неограниченным доверием и сумел добиться назначения на должность чиновника особых поручений. Через некоторое время Гротгус был переведен в департамент полиции. Барон Гротгус не только пользовался у Трепова неограниченным доверием, но и получил доступ в его дом. Имея такую солидную поддержку, Гротгус занял положение, которое позволяло ему быть осведомленным о многих секретных вопросах, которые интересовали германский генеральный штаб.

Кроме шпионских дел, барон Гротгус занимался и другими. Служа начальником сыскной полиции в Риге, он создал жуткий застенок, где пытал политических заключенных. Гротгус прославился там своими жестокостями, которые сделались даже предметом запроса в черносотенной Думе. После ряда скандальных историй министерство внутренних дел вынуждено было удалить барона Гротгуса из полиции. После этого при помощи Мясоедова барон Гротгус стал деятельным участником упомянутого выше «Северо-западного пароходства».

Другой яркой фигурой германского шпионажа в России являлся Оттон Фрейнат, который приобрел скандальную известность в кишиневском погроме 1903 г. После Кишинева, где Фрейнат был судебным следователем, он перешел в департамент полиции. Впоследствии он даже исполнял должность вице-директора департамента полиции. Фрейнат имел, таким образом, свободный доступ ко многим политическим секретам, что позволяло и ему быть весьма ценным для Германии агентом.

Как Гротгусу, так и Фрейнату особое покровительство оказывал директор департамента полиции Трусевич. По его

желанию Фрейнат неоднократно командировался за границу для «изучения» постановки агентурного дела в Берлине, Париже, Лондоне. Фрейнат готовился занять должность начальника политического розыска за границей.

Список высокопоставленных бандитов, продававших Россию оптом и в розницу, будет не полон, если не назвать генерала Грейфана, состоявшего начальником отделения главного интендантского управления. От него через «торговый дом» под названием Фридрих Байэр и К°, поставлявший интендантству военное имущество, шли в германо-австрийскую разведку сведения о снабжении русской армии.

Грейфан находился в весьма дружественных отношениях с Мясоедовым и его семьей. Во время посещения Грейфаном дома Мясоедова разговоры происходили на их любимом языке — немецком.

Несмотря на то, что в течение многих лет все эти преступники, ведшие разгульный образ жизни, возбуждали основательные подозрения, их оставляли на свободе и содействовали их служебной карьере. Даже такая газета, как «Биржевые ведомости», являвшаяся органом промышленников и капиталистов, вынуждена была заговорить о немецком засилье и делах, творившихся в высших органах государственного управления.

Однако преступники оставались безнаказанными. В конечном итоге сами органы борьбы со шпионажем в России оказались в значительной мере парализованными. Это было большим достижением германо-австрийской разведки, ибо каждая разведка стремится к тому, чтобы овладеть органами борьбы со шпионажем в том государстве, где она ведет работу.

ШПИОНАЖ ПОД ВЫВЕСКОЙ ТОРГОВЫХ ФИРМ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Проникая в важнейшие отрасли народного хозяйства России, немецкие капиталисты теснейшим образом были связаны с предприятиями военного значения. Это обстоятельство давало им возможность получать нужные секретные сведения.

Начиная с 1905 г. вплоть до первой мировой империалистической войны из Германии в различные районы России отправлялись экспедиции, якобы с целью исследования природных богатств. На самом деле этими экспедициями,

организованными разведкой, изучались экономические и хозяйственные возможности России с точки зрения будущей войны, ее стратегические дороги и укрепленные пункты.

Почти каждое отделение германской фирмы и связанные с ней предприятия кишели немецкими шпионами. Вся территория России была опутана сетями германо-австрийской экономической разведки. Щупальцы проникли даже в самые отдаленные окраины страны.

Одной из крупнейших шпионских организаций была фирма Кунст и Альберс, захватившая в свои руки почти всю торговлю на русском Дальнем Востоке. Совладельцы этой фирмы Даттан и Альберс были видными агентами германской разведки. Наряду с экономическим шпионажем фирма Кунст и Альберс осуществляла и военную разведку.

Служащие фирмы в большинстве были офицерами запаса германской армии. Многие из них, приняв русское подданство, после начала мировой империалистической войны остались во Владивостоке.

Германские офицеры из служащих фирмы фон Вейне и Младек были заняты сбором агентурных сведений по сухопутным войскам, а Занвальд и Рюге занимались аналогичной работой по морскому флоту. В целях более удобного проникновения в войсковые части Даттан и Альберс во время мировой империалистической войны стали подрядчиками в гарнизонах крепости Владивосток и Николаевска-на Амуре.

Сведения собирались не только по Дальнему Востоку, но и по европейской части России. Во время войны собранная информация передавалась через германское посольство в Китае. Для прикрытия шпионской деятельности фирмы Даттан систематически жертвовал большие суммы на нужды обороны России.

Фирма Даттан, находясь на Дальнем Востоке, поддерживала тесные связи со шпионами, орудовавшими в других центрах России.

После начала мировой империалистической войны по подозрению в шпионаже был арестован бывш. директор Путиловского завода Орбановский.

При обыске у него нашли судостроительную программу на 1912 — 1930 гг., «Технические условия» морского министерства, перечень материалов Ижевского завода, технические условия для поставки металла на Петроградский патронный завод.

Орбановский, как это установило следствие, был теснейшим образом связан с Даттаном. Он приезжал часто к последнему для получения заданий и доставки шпионских сведений, собранных в различных частях царской России.

Сам Вильгельм II был пайщиком фирмы Кунст и Альберс, 50 отделений этой фирмы раскинулись по Приамурью, Маньчжурии, части Забайкалья и имели своих агентов во всех крупных городах царской России. До войны Даттан одно время был германским консулом во Владивостоке. Он имел большое влияние на политику Германии на Дальнем Востоке. При назначении консулов и других ответственных лиц на Дальний Восток Даттану принадлежало решающее слово.

Несмотря на то, что Даттан являлся виднейшим и опаснейшим шпионом, царские министры Маклаков и Фредерикс и приамурский генерал-губернатор Гондатти взяли его под свою защиту и воспротивились преданию суду. Даттан был только выслан в Нарымский край.

Кроме владельцев и служащих фирмы Кунст и Альберс, во Владивостоке на поприще шпионажа работали двое швейцарских подданных — Адольф Бутенгоф и Франц Вальден. В этом им содействовали находившиеся в Иркутске Александр Гезе, аптекарь Жинжерова и присяжный поверенный Стравинский.

На юге России действовало акционерное общество Гуго Стиннес в лице его представителей и доверенных лиц Беккера, Пельтенбурга, Хитрова и углепромышленника Павла Беккель. К числу германских агентов принадлежал также Кольберг, горный инженер, председатель правления Боково-Хрустальских угольных и антрацитовых копей, член военно-промышленного комитета России.

Северный и северо-западный районы России «обслуживались» директором Тентелевского химического завода, членом военно-промышленного комитета Вегенером и крупным лесопромышленником в Вологде Граайем.

В районе Белого моря подвизался прапорщик Меленбург, который заведывал разгрузочной командой в Архангельске. В шпионской деятельности в этом районе участвовали фирмы: Гергард и Гей, Книпп и Вернер и акционерное общество «Плюйм-Окс». Наконец, на поприще шпионажа в Финляндии развернула свою деятельность погрузочная контора Фридрих Гасон и К°. С началом войны в 1914 г. германские «торговые» агенты помимо сбора сведений стали совер-

шать диверсионные акты на заводах и фабриках, работавших на оборону.

Германские шпионы, засевшие в компаниях Восточноазиатского и Северо-западного пароходств, а также в Добровольном флоте, регулярно осведомляли германские разведывательные органы о привозимых грузах, о количестве и состоянии судов. Одновременно они составляли точные навигационные карты, главным образом, Либавского и Рижского районов, Белого моря и Дальневосточного побережья, разведывали планы береговой обороны.

По мере того как приближалась война, германо-австрийский шпионаж становился все активнее.

К концу 1913 г. германо-австрийская разведка с помощью «торговых фирм» располагала обширными сведениями о состоянии и характере оборудования фабрик и заводов России, о провозоспособности железных дорог, заказах различных ведомств и пр. Эти данные затем систематически уточнялись.

В целях удобства при ведении шпионажа германские коммерсанты и промышленники, орудовавшие в России, широко практиковали применение двойного подданства. Нелегально оставаясь подданными Германии, они официально принимали подданство другой страны. Накануне войны закон о двойном подданстве вновь был подтвержден германским правительством.

В германском имперском банке был создан специальный фонд для целей шпионажа. Официально этот фонд предназначался для развития германской мелкой торговли в других государствах, в том числе и в царской России. Шпионам из купцов ставилась задача завести торговлю там, где находятся узлы железных дорог, крепости, форты, штабы войск, заводы, обслуживающие военное ведомство. Кроме того, под видом совершения торговых операций они могли свободно передвигаться по стране, знакомиться с людьми, нравами и местностью: чрезмерная «любознательность» таких людей, их частые отлучки не казались подозрительными.

Торговлю приказывалось им вести, не стесняясь в кредите. Разведка знала, что окупятся любые расходы. Кредит особенно охотно предоставлялся тем лицам, которые в будущем могли оказаться полезными. Таких людей завлекали в долги и тем закрепощали их.

Через кредитный банк «Дисконто гезельшафт» в России были открыты магазины, конторы, гостиницы, склады това-

ров, рестораны. Весь штат этих заведений, за малыми исключениями, был набран из агентов германской разведки. Разбросанные по всем городам России, они представляли мощное орудие германской разведки, служившее не только целям собирания шпионских сведений и вербовки новых агентов. Эти заведения были надежным местом для сборищ шпионов-диверсантов.

Обыски, произведенные в некоторых из таких «коммерческих учреждений», показали, что большое количество служащих являлось офицерами германской военной и морской службы, получившими отличное военное образование. Было обнаружено много материалов секретного характера, собранных ими в процессе своей торговой деятельности.

Немалую роль в шпионаже играли германские страховые общества, широко развернувшие свою деятельность в России. По установленному ими порядку их клиенты были обязаны доставлять самые точные данные об имуществе, которое страхуется, включая сюда планы фабрик, заводов, земельных участков, пароходов, опись материальных ценностей и их состояния, опись оборудования и т. д. Сведения, которые получали таким путем страховые общества от своих клиентов, потом суммировались и отправлялись в разведывательное отделение германского генерального штаба. В результате в руках германской разведки накануне войны оказались важнейшие сведения об отдельных стратегических сооружениях, запасах продовольствия, производственной мощности фабрик и заводов, о рейсах пароходов и характере их грузов и т. д. Состояние таких крупных предприятий, имевших исключительное военное значение, как Путиловский, Коломенский, Сормовский и другие заводы, было точно известно германской разведке.

Германский генеральный штаб, в лице его промышленно-статистического отдела (этот отдел ведал экономическим шпионажем), разослал ряд секретных инструкций по организации экономической разведки. Впоследствии некоторые из них попали в руки русской контрразведки. Особенно существенными являлись инструкции за № 2348 и 2348бис. Это были руководящие директивы по организации осведомительной и вербовочной работы. Каждое германское предприятие в царской России, согласно этим инструкциям, должно было допустить на работу определенное количество агентов германской разведки. Предприятия, отличавшиеся на шпионском поприще, получали субсидии из особых фондов штаба.

Все 439 фирм и предприятий с австро-германским капиталом, находившихся в России, в той или иной степени были привлечены к шпионской деятельности. Характерно, что большинство этих фирм имело существенное влияние на производство и поставку военных материалов.

К крупнейшим очагам шпионажа принадлежала германская фирма «К. Шпан и сыновья» — «товарищество» по торговле машинами, металлами, металлическими изделиями и оптическими приборами, имевшее отделения в Москве и Петербурге. Главные владельцы этого «товарищества» Константин и Эмиль Шпан являлись видными агентами германской разведки. Константин Шпан, приняв русское подданство, состоял председателем и членом правлений Акционерного русского общества для изготовления снарядов и военных припасов, «Русско-Балтийского судостроительного и механического общества» и целого ряда других предприятий. В то же время Константин Шпан являлся представителем крупнейших капиталистических концернов Германии: Круппа, Гуго Стиннеса и «Блом и Фосса».

Связи Константина Шпана — этого незаурядного представителя германского капитала в России — простирались до дворцовых кругов, не говоря уже о Сухомлинове и Мясоедове.

Несмотря на то, что братья Шпан (второй из них являлся офицером запаса германской армии) давно были известны как крупные шпионы, их близость к правительственным кругам и к генералитету позволяла им долгое время работать во вред России. Лишь под давлением неопровержимых улик и общественного мнения в мае 1915 г. братья Шпан были арестованы и высланы.

Другим крупным гнездом шпионажа была фирма «Вальдтоф». Акционерами этой фирмы являлись Мясоедов и Фрейнат. Директором фирмы был бывший член германского рейхстага от г. Маннгейма Гаазе. Не случайно, что предприятия этой фирмы были расположены невдалеке от границы в Лифляндской губернии. Такое положение облегчало наблюдение за передвижениями войск и за укрепленными пунктами приграничной полосы.

В 1898 г. в Варшаве под видом справочной конторы существовало заведение некоего Бухвойца, которое занималось переправой и вербовкой шпионов, а также доставкой агентурных сведений. Контора находилась под непосредственным руководством разведывательного отделения герман-

ского генерального штаба и им субсидировалась. Она была фактическим центром шпионажа в Варшавском военном округе. Эта «справочная контора» держала постоянную связь с петербургским центром германо-австрийской разведки через варшавского фабриканта Неймана, также известного германского агента.

Через директора австрийского акционерного общества устройства и развития средств сообщения Симона Ландоу и директора германского общества отдачи вагонов в наем д-ра Альфреда Страуса германо-австрийская разведка основала в России так называемое «Русское общество для развития и увеличения числа перевозочных средств и для эксплоатации таковых в России» («Ссудовагон»).

Общество «Ссудовагон» занималось организацией шпионажа и вредительства на железных дорогах России, систематически составляло секретные отчеты и сводки о состоянии их подвижного состава и мобилизационной готовности. Для сбора этих сведений специальный агент Майман регулярно объезжал все важнейшие железнодорожные линии России.

Не менее активно занималось шпионажем акционерное общество «Артур Коппель». Эта фирма владела механическим и вагоностроительным заводами в Петербурге, вагоностроительным заводом под Варшавой. Фирма «Артур Коппель» производила строительно-путевые работы в крепостях России, причем во многих случаях в убыток. Убытки покрывались германским генеральным штабом из особого фонда. От деятельности этой фирмы пострадала и Франция, которая уступила ей обслуживание своих крепостей, расположенных на границе с Германией.

Накануне Русско-японской войны, в 1904 г., военный инженер полковник Н. И. Кремер доносил о факте шпионской деятельности дальневосточного отделения фирмы «Артур Коппель». Выяснилось, что фирма продала Японии чертежи и планы укреплений Порт-Артура и Владивостока. Но это донесение полковника Кремера осталось без последствий.

Уже в разгар мировой империалистической войны в Двинской крепости был арестован некий фон Загеботен. При нем было найдено письмо с описанием Ковенского и Двинского укрепленных районов, адресованное в петроградское отделение фирмы «Артур Коппель». С арестом двинского шпиона выяснились многие факты из деятельности этой фирмы.

Оказалось, что в ее функции входил шпионаж по линии укрепленных пунктов, которым руководили директор петроградского отделения фирмы «Артур Коппель» Роберт Кутцосер и инженер того же отделения Густав Клебер.

Последующие обыски в предприятиях и учреждениях фирмы обнаружили известные секретные циркуляры германского генерального штаба за № 2348 и 2348бис.

Германо-австрийская разведка через подставных агентов прибрала к своим рукам многие гостиницы России, представлявшие особые удобства для конспиративной работы. Такими гнездами шпионажа являлись в Петрограде гостиницы «Англия», «Астория», «Европейская» и «Гранд-отель». Понятно, что особо большое внимание было уделено столице — крупнейшему политическому и административному центру России, к тому же близко расположенному к границе.

Все эти факты дают лишь общее представление об огромной подрывной работе германо-австрийской разведки в России, которая велась при посредстве торговых фирм и страховых обществ.

ШПИОНАЖ ЧЕРЕЗ ПОСРЕДСТВО НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАН

Готовясь к войне 1914 г., Германия широко развернула свою агентурную сеть в царской России. Но война во многом нарушила работу шпионских организаций, подготовленных в мирное время. Прежние способы связи, сбора агентурных сведений и вербовки агентов оказались в условиях войны не совсем применимыми. Поэтому немцам и австрийцам пришлось спешно реорганизовать свою разведку на новых началах и на многих участках с новыми кадрами.

В этом отношении очень важную роль стали играть так называемые нейтральные страны. Они обеспечивали наиболее безопасный переход границы воюющего государства и облегчали связь с находящимися в нем шпионами и диверсантами. Каждая воюющая страна и ее разведка старались использовать нейтральные страны с наибольшей для себя выгодой.

Большие удобства, естественно, представляли скандинавские страны, особенно Швеция. Во время первой мировой империалистической войны Швеция стала основным

шпионским каналом между Россией и Германией. Это был наиболее краткий и удобный путь для переброски шпионов и для получения собранных ими сведений. Торговые отношения между Россией и Швецией, сохранившиеся и во время войны, облегчали выполнение заданий разведки.

Кроме того, большую роль играло и следующее обстоятельство: среди финских эмигрантов, проживавших в Швеции, и среди населения Финляндии легче всего было найти подходящих лиц для вербовки их в качестве агентов. Действительно, среди этих элементов германская разведка во время войны нашла те многочисленные кадры, которые позволили ей наводнить Финляндию и окрестности Петербурга своими шпионами.

Кроме того, многие руководящие круги Швеции негласно покровительствовали работе германской разведки. В свою очередь германо-австрийская разведка, усиленно агитируя в Швеции за военное выступление против России, одновременно делилась со шведской разведкой результатами своей «работы».

Скандинавия была довольно быстро освоена германо-австрийской разведкой. Военно-морской атташе Германии в Петербурге Фишер-Лоссайн после разрыва дипломатических отношений с Россией переселился в Швецию. Этот крупный знаток агентурного дела вскоре развил большую шпионскую деятельность и организовал солидную разведывательную сеть, главным образом, в военно-морской области.

Была создана обширная сеть наблюдателей за русскими и английскими подводными лодками. Для этой цели германо-австрийская разведка вошла в соглашение с различными организациями и отдельными лицами: лоцманскими наблюдательными постами, рыбаками, пароходствами по всему побережью Швеции, Дании и Норвегии. Особенно разветвленной сеть надзора была у датских проливов и в районе шведских портов Ботнического залива.

Германские агенты следили также за всеми пароходами, выходившими из скандинавских портов, облегчая своему подводному флоту борьбу с ними.

В скандинавских странах во время войны орудовало несколько шпионских гнезд. Руководителями их в разное время являлись майор Фредерици, полковник Штрауб, барон Фалькенштейн, полковник Лассен, капитан Хельдт, барон Котце. Среди агентов германо-австрий-

ской разведки много было шведов, датчан, норвежцев и финнов.

Понятно, что во время войны граждане нейтральных стран — Швеции, Дании и Норвегии — имели наибольшие возможности проникновения в Россию.

В столице Швеции Стокгольме существовало несколько шпионских штаб-квартир: пансион мадам М. Олиер, пригородные виллы в Диоргартене и Сальтиобаденне, немецкая пивная «Кайзерхоф» и др. При центральной штаб-квартире полковника Лассена одно время действовала диверсионная организация под руководством капитана дальнего плавания Экмана.

В Стокгольме разведывательная служба германского генерального штаба находилась в руках капитана Хельдта. Именуя себя гражданским инженером, он организовал вербовку финнов в германские войска «для содействия освобождению Финляндии». Кроме того, агенты германской разведки обманным путем выманивали отдельных жителей Финляндии и через Швецию отправляли их на «работу» в Германию, обещая высокую плату. По дороге за этими людьми устанавливался строгий контроль. По приезде в Германию строптивым разъясняли, что если они добровольно не поступят на службу в германскую разведку, то в лучшем случае будут заключены в концентрационный лагерь. После соответствующей подготовки и обработки завербованных таким путем агентов их направляли для шпионской работы и террористических актов в Россию.

Одной из таких созданных из финнов диверсионных групп было дано задание вывести из строя лучший миноносец русского флота «Новик». За эту операцию германская разведка обещала 50 тыс. рублей вознаграждения.

Диверсионные группы, переброшенные в Россию в самый разгар первой мировой империалистической войны, часто посещали Хапаранду и другие пограничные города Финляндии, беспрестанно вербуя в свою среду новых сотрудников, поручая им выполнение диверсионных и террористических актов.

На организации взрывов путей сообщения Финляндии со Швецией, а также на отравлении лошадей, например, специализировался барон Розен. В связи с ним действовали братья Дален.

В начале войны германской разведкой был командирован в скандинавские государства барон Фалькенштейн

(он же Фитшлер). Организованная им в Дании, потом и в Швеции агентура отличалась особенно широкой осведомленностью.

Шведская разведка все время находилась в контакте с представителями германского посольства в Стокгольме и обменивалась приобретенными сведениями о России. Шведские разведчики посылались в такие центры России, как Рига, Ревель, Петроград, Гельсингфорс и другие города Финляндии. Германская разведка имела много агентов из числа сотрудников шведских миссий и консульств в России. Большой интерес проявляла германо-австрийская разведка к району Аланда, в частности к укреплениям, возводившимся там во время войны.

Территория Швеции была разделена на отдельные зоны обслуживания. Юг Швеции обслуживался разведкой германского морского генерального штаба. Руководил ею упомянутый выше фон Фишер-Лоссайн. В Гетеборге, Мальме и Троллеборге находились ее резидентуры. На севере Швеции орудовала сухопутная разведка, во главе которой стоял капитан Хельдт. Немцам удалось привлечь к ведению шпионажа некоторые шведские фирмы. Из причастных к шпионажу шведских фирм известны следующие: «Виктор Эк», «Лилуебек», акционерное общество «Меркурий», общества «Гуннарс», «К. Бокстрем» и др.

На западном и северо-западном побережьях Дании и Норвегии разведка велась, главным образом, при помощи германских консульств и их организаций. Так, всем германским консулам северного и западного побережий Ютландии вменялось в обязанность посылать еженедельные бюллетени в Копенгаген—в миссию или на имя инженера Менгельберга и купца Гадэ Ханса. В числе агентов германской разведки были бывший консул Норвегии Браун и его жена, владельцы отделения фирмы «Хольм и Ко».

Переправа германских агентов в Россию, а также и обратно происходила двумя путями: морским — через Ботнический залив, и сухопутным — через шведско-финляндскую границу. Наиболее испытанным местом перехода границы был пограничный район Виа Торнео — Хапаранда. Здесь с помощью завербованного персонала станций шпионы переправлялись через шведскую границу. С запрещением проезда в г. Торнео и его окрестности без установленного на то разрешения разведчики стали практиковать обходное движение, следуя в стороне от железнодорожной ветки.

Для связи со своими агентами германская разведка применяла массу разнообразных способов. Наиболее часто практиковалась посылка кодированной корреспонденции на условные адреса торговых фирм, транспортных контор и частных лиц. Такие корреспонденции в свою очередь передавались в руки заинтересованных лиц или путем вложения в новые конверты пересылались в Германию. Целый ряд скандинавских фирм и торговых контор помогал германо-австрийской разведке осуществлять связь с ее сетью, находившейся в России. Делалось это путем вербовки руководящих лиц этих фирм.

Если же агент находился в Петрограде, то роль посредника играли шведское и швейцарское консульства. Существовали и другие способы связи: через служащих на шведских коммерческих пароходах, совершавших свои рейсы в Россию, через проводников «международного общества спальных вагонов», почтальонов почтовых вагонов и отдельных лиц.

Германо-австрийская разведка своевременно узнавала о провале тех или иных адресов. Это входило в обязанность завербованных ею цензоров почтового ведомства.

Учитывая опыт первой мировой империалистической войны, германская фашистская разведка сейчас прилагает огромные усилия для того, чтобы подготовить кадры шпионов для работы в будущих «нейтральных» странах.

ГЕРМАНО-АВСТРИЙСКИЕ ШПИОНЫ НА ФРОНТАХ РОССИИ

Методы работы германо-австрийской разведки в России не могли не измениться в связи с новыми условиями, созданными империалистической войной 1914—1918 гг. Был выработан ряд новых инструкций для агентов, работавших на фронтах и в прифронтовой полосе. Наряду с этим была создана обширная сеть особых бюро по руководству и вербовке агентуры на театре военных действий.

Изменена была также и структура разведывательных органов. Руководство разведкой в действующей армии было возложено на вновь организованные разведотделы штабов главного командования. Кроме того, разведорганы имелись в штабах армий, корпусов и дивизий. Разведка в глубоком тылу противника осталась в ведении разведотделов генеральных штабов.

Для перехода линий фронта агенты снабжались особыми пропусками. Германская разведка направляла их, главным образом, в Петроград и Москву и в прифронтовую полосу Северо-западного фронта. Австрийцев интересовал Юго-западный фронт и такие центры, как Киев, Одесса, Харьков.

Огромное количество австрийских шпионов переправлялось в Россию через Румынию. До вступления в войну Румынии, например, в сентябре 1915 г. из Австрии на Украину через румынскую территорию была переброшена целая группа шпионов под видом жонглеров и шансонеток. Такие агенты направлялись в определенные пункты и при этом только один раз. Это делалось с той целью, чтобы вторично их приезд не вызвал подозрений.

С началом войны на полковника Фишера австрийским генеральным штабом было возложено главное руководство разведкой в России через нейтральную тогда Румынию. В его распоряжении находился значительный штат агентов.

Во время войны недалеко от фронтов германской и австрийской разведками были открыты специальные краткосрочные курсы (школы) для обучения агентов. В этих школах агентов (в городах Луцке, Слониме, Брест-Литовске, Митаве, Шавлях) обучали искусству шпионажа и диверсии. Такие школы существовали при каждом разведывательном бюро штаба армии. Позднее немцы начали учреждать школы при штабах корпусов и дивизий. Курс обучения агентов был очень кратким — 2—3 недели. Окончившие эти курсы направлялись в Россию, иногда даже «легально». Они проникали в нее при помощи паспортов нейтральных держав или паспортов, отобранных у жителей местностей, занятых австрийскими и германскими войсками. Обучавшимся в специальных школах шпионам выплачивалось определенное вознаграждение. Кроме того, введено было правило, что по выполнении задания агенту уплачивалось дополнительное вознаграждение. Срок работы в одном месте для таких разведчиков определялся максимум в один месяц.

Для подготовки шпионов капитаном германской разведки Бергелем была организована школа даже в столице Румынии Бухаресте. Ближайшим помощником Бергеля по обучению агентов был бывший секретарь германского посольства в Бухаресте Дольман. По окончании курса Бергель отправлял своих учеников из Бухареста в Браилов, оттуда на лодках по Дунаю до Галаца и дальше в Россию. Прибыв к месту расположения русских войск, разведчики

должны были себя выдавать за беженцев, вынужденных якобы бежать с занятой немцами территории.

Шпионы, которых Бергель отсылал в Одессу, имели задание узнавать, какие суда находятся в порту, каково их вооружение, имеются ли зенитные орудия для обстрела аэропланов и дирижаблей, каковы запасы горючего, сколько в порту подводных лодок, есть ли плавучие доки и т. п.

В Николаевском порту шпионы интересовались состоянием ремонта и постройкой судов. В Батумском порту, в Евпатории, Феодосии, в Очакове шпионам ставились задачи по добыванию сведений о наличии в этих местах подводных лодок и об их вооружении, о целях прибытия торгово-пассажирских пароходов, их маршрутах, о том, какие и откуда присылаются боевые припасы, сколько и каких имеется аэропланов, где расположены ангары, что отправляется по железным дорогам на Кавказ и т. д. Шпиону предлагалось поступить на какой-нибудь завод или фабрику, чтобы иметь возможность полнее освещать вопросы, интересующие германский и австрийский генеральные штабы.

Профессии лиц, которые привлекались германской и австрийской разведками к агентурной работе, очень разнообразны. Среди них имелись: инженеры, врачи, фокусники, фотографы, продавцы всевозможных товаров, артисты и артистки, проститутки и воры. Охотно вербовались также дети и подростки от 12 до 19 лет. Юным шпионам рекомендовалось находиться вблизи обозов, знакомиться с военными лицами для получения от них требуемых сведений. Имелись особые отряды шпионов, которые состояли исключительно из стариков и калек, посылаемых в пределы военной зоны под видом нищих.

Германо-австрийская разведка использовала также пленных солдат и офицеров русской армии. Завербованные пленные при содействии разведки «бежали» на родину, где развертывали по полученному заданию шпионскую работу.

В начале войны в Двинском районе была обнаружена масса шпионов, переодетых в форму русских солдат. Большинство их являлось военнопленными из русской армии. 2 сентября 1914 г. в г. Ровно было арестовано 5 человек, из которых четверо оказались солдатами, бывшими в плену. Они сохранили русскую военную форму, все свое армейское снаряжение. Один из них был в форме прапорщика. Этим переброшенным «из плена» агентам было дано задание взорвать железнодорожный мост через реку Гуска у Ше-

петовки. При обыске у них было обнаружено полтора пуда динамита, карта, приборы для взрыва, хлороформ для усыпления часовых.

Они получили по 300 рублей авансом с тем, чтобы после выполнения задания получить еще по 10 тыс. рублей. Диверсантов инструктировал и снабдил деньгами австрийский обер-лейтенант Шиллер, начальник разведывательного бюро в г. Луцке.

Другой подобный случай имел место в ночь на 13 октября 1915 г. К сторожевому охранению одного из боевых участков 1-й русской армии со стороны противника подошла группа людей в количестве 49 человек. Они были вооружены русскими кавалерийскими винтовками, наганами и ручными бомбами, пироксилиновыми шашками и капсюлями для взрывов и одеты в мягкие сероватого цвета широкополые шляпы, брюки из солдатского сукна и в серые кафтаны. Эти люди, добровольно сдав свое оружие сторожевому охранению, заявили, что все они, бывшие военнопленные из русской армии, завербованы германской разведкой с целью совершения диверсионных актов. Но что они воспользовались этим предложением германской разведки, чтобы вернуться на родину. Руководителю этой группы, бывшему рядовому 65-го Московского пехотного полка К., немецкой разведкой было дано 18 подложных паспортов, 483 рубля денег и адреса пяти шпионов, к которым следовало обратиться за содействием. Группе было дано задание по взрыву железнодорожных мостов на станциях Антополь и Велюнь.

Такие же группы диверсантов и шпионов из 50—60 человек были организованы германо-австрийской разведкой в Шавлях, Кельцах и Тильзите.

Для военнопленных русской армии, намеченных к вербовке в агенты, разведка создавала привилегированные условия. Им давалась лучшая пища, отдельное помещение. Действовали подкупом, лестью, шантажем.

Завербованные германской разведкой, «бежав» из плена, вступали в какую-нибудь русскую часть и, получив нужные сведения, вновь сдавались в плен. В доказательство того, что они были у «своих», новые агенты должны были приносить с собой определенные газеты: «Вечернее время», «Биржевые ведомости» или другие. Возвращавшиеся обратно через фронт должны были иметь с собой кредитные билеты тех номеров, которые они перед отправкой получили. Кроме того, они должны были сообщить задержавшим их герман-

ским передовым постам условный пароль. Разведчики и диверсанты из военнопленных обыкновенно направлялись по-двое, по-трое, но нередко и одиночками. Прочих шпионов германская разведка направляла через фронт с завязанными глазами, причем они снабжались подложными документами частей русской армии. Всех таких агентов обыкновенно перед отправкой фотографировали.

Зачастую германо-австрийская разведка использовала в своих целях русских агентов, арестованных в Германии и Австрии. Прилагались большие усилия к вербовке пленных офицеров русской армии из мусульман, причем играли на религиозных чувствах этих людей, убеждая их помочь Германии «освободить мусульман от русского ига».

Ряд агентов вербовался непосредственно из населения прифронтовой полосы. Они переходили ее как беженцы или «озлобленные» и «бежавшие» от зверств немцев.

Во время войны германо-австрийская разведка усилила вербовочную работу среди жандармов, агентов тайной и явной полиции, охранников, провокаторов и офицеров разведывательных отделений штабов.

По некоторым сведениям, до четверти всего состава варшавской явной и тайной полиции состояло на службе в германской разведке. Известный вербовщик шпионов для Германии Андреевский, орудовавший в Варшаве, одновременно являлся агентом русской разведки. Такую же роль играл околоточный надзиратель 11-го участка г. Варшавы Погорецкий. В числе германских агентов был также известный провокатор Азеф, с которым Мясоедов был в постоянной переписке.

Один из сотрудников варшавского охранного отделения, жандармский ротмистр Прохоров, состоявший на службе у немцев, спасал попавшихся германских шпионов путем уничтожения вещественных доказательств.

Небезынтересны методы вербовки немцами уголовного элемента: воров, убийц, мошенников и пр. Германская инструкция предписывала своим агентам-вербовщикам предварительно самым подробным образом узнавать о преступлениях, совершенных этими лицами. Дальше на сцену выступал шантаж, которым вынуждали уголовных преступников, преступления которых не раскрыты, работать в интересах разведки. Эти уголовники, раз попавшись в сети германской агентуры, под страхом разоблачения совершали новые, еще более тяжелые преступления. Они использовались для ограбления, для убийства, чтобы добыть нужные

разведке документы, «убрать» важного деятеля или опасное для шпионов лицо.

Для добывания сведений от офицеров германская разведка широко использовала проституток. Прибыв из части в какую-нибудь населенную местность, офицеры в поисках развлечений проводили время в притонах и ресторанах. Здесь-то загулявший офицер и мог выболтать проститутке-шпионке немало ценных сведений.

Другим не менее удобным местом для выведывания военных тайн от офицеров германская разведка считала вечеринки. В пьяной компании, разговаривая между собой, хвастаясь своей осведомленностью и не подозревая, что их подслушивают шпионки, офицеры часто много выбалтывали.

Если представлялся случай шпионкам, то они не брезговали и тем, чтобы украсть у загулявшего офицера что-нибудь интересное с точки зрения разведки.

Германские шпионы большое внимание обращали на чинов искровых (радио) и телеграфных рот, так как через них можно было получить особо ценные сведения о применявшихся в русской армии шифрах и кодах.

В военное время круг вопросов, подлежащих освещению, особенно расширился. Разведка должна была знать, какие части стоят в том или ином районе, где и сколько сформировано войск, какой артиллерией располагает определенная часть, сколько в каждой части пулеметов, численность кавалерии, конский состав, новые образцы оружия, как протекает мобилизация промышленности и степень оборудования заводов и фабрик, работающих для нужд армии, какое настроение в армии и среди населения, где находятся радиотелеграфы, санитарное состояние войск, состояние дорог, расположение ангаров, аэродромов и т. п.

И чтобы получить ответы на все эти вопросы, агентов вербовали среди работников любых профессий. В Русско-японскую войну 1904—1905 гг. и в войну 1914—1918 гг. офицеры разведывательных органов воевавших с Россией стран служили в ресторанах лакеями, денщиками у крупных военных деятелей и т. д.

Для посылки добытых сведений по назначению германские и австрийские агенты применяли самые различные методы. Был среди них и такой. Агент, работавший в тылу у русских, приходил на станцию железной дороги к отходу воинского поезда. Завязав разговор с солдатами, он добывал нужные ему сведения, занеся их затем на бумажку условным языком. Затем записка с собранными сведениями

прикреплялась им к днищу одного из вагонов поезда, который отходил к позициям. Записки прикреплялись к заранее условленному вагону, например, второму, считая от паровоза. Эти записки снимались другими агентами, которые их передавали по назначению. Иногда шпионские сведения условными знаками писались на стенках в уборных, в поездных буфетах.

При передаче сведений по телеграфу шпионы пользовались особым шифром, обозначая отдельными словами или буквами роды войск и другие данные.

Движение поездов шпионы обозначали следующим образом: через столько-то часов выезжаю туда-то: часы указывали количество поездов.

Практиковался и другой способ связи. Так называемыми невидимыми чернилами агенты заносили свое донесение между строк обычного письма и отправляли его по назначению. Борьба цензуры с таким видом передач была очень затруднительна.

В России с проявлением писем, в которых имелись шпионские сведения, дело обстояло из рук вон плохо. Примитивные лаборатории, созданные царской контрразведкой, не могли справиться с огромным потоком проходящей ежедневно почты. Некоторые чернила, которые применялись германской разведкой, совершенно не поддавались проявлению, и многие шпионы вследствие этого оставались неразоблаченными. Часто тайнопись велась на внутренней стороне конверта или на тонкой внутренней подкладке конверта. Скрытые записи делались также на открытках, специально изготовленных для этой цели. Но наиболее распространенными способами тайной переписки были шифры, например: одна черта означала небольшое число войск — батальон или полк, две черточки означали дивизию, а три черточки — больше дивизии, вплоть до корпуса. Среди раскрытых кодов, применявшихся немцами, были и такие: большое Д в письме означало большую дороговизну, номер квартиры означал номер полка, если номер был подчеркнут, то это означало на сто больше. Если шпион хотел назвать 114-й полк, то он его обозначал следующим образом: квартира № 14. Первый этаж обозначал ополченцев, ратников, второй этаж — запасный батальон и т. д.

Несколько слов об одежде шпионов. Шпионам прифронтовой полосы рекомендовалось одеваться в гражданское платье в двух случаях: во-первых, когда ближайшее место, в которое надлежит сообщить сведения, занято не-

приятелем; во-вторых, когда в данной местности расположена мелкая часть, все чины которой знают друг друга.

Наиболее удобным одеянием считалось крестьянское. Этим «крестьянам» предлагалось избирать дорогу, главным образом, перекрестную, по которой передвигаются войска, и торговать табаком, спичками и другими мелкими товарами; таким агентам воспрещалось обращаться с вопросами к крестьянам или военным. Они должны были лишь по памяти описать проходящие воинские части.

Для шпионов, носивших военную форму, и для шпионов, одетых в гражданское платье, существовали различные установки. Например, шпионы в военной форме должны были выдавать себя за отставших солдат и обращаться к крестьянам с расспросами, стараясь узнать, какая часть прошла и в каком направлении.

Получать от воинских чинов сведения рекомендовалось исключительно в городах, заведя с ними знакомство в кафе, столовых и в других общественных местах.

Не представляется возможности, конечно, перечислить все методы и приемы, которыми пользовались агенты германо-австрийской разведки в России. И ясно, что постоянной задачей разведки являлась необходимость систематического обновления методов и приемов маскировки своей агентуры.

Во время первой мировой империалистической войны германской разведке удалось проникнуть в штабы ряда русских армий.

Подполковник генерального штаба Поляков, служивший в 1915 г. при штабе XI армии начальником разведывательного отделения, в своих письмах и показаниях по делу Сухомлинова указывал: «Многие наши операции не имели успеха по несомненной осведомленности противника о военных планах».

Нужда германо-австрийской разведки в таком шпионе, как Мясоедов, с началом войны стала особенно острой. К ее радости и не без ее участия, Мясоедов после двух лет «гражданской» работы снова был призван в военное ведомство.

При прямом содействии Сухомлинова он получил назначение в штаб X армии, где на него было возложено руководство агентурной разведкой. Лучшего немцы и не могли желать.

Десятая армия занимала одно из важнейших мест Западного фронта. Мясоедов через своих людей был осве-

домлен не только о положении дел в X армии, но и знал планы командования I и II армий.

Во время своего пребывания в X армии Мясоедов сообщил германскому командованию много секретных сведений, касавшихся расположения штабов, численности боевого состава корпусов, дивизий, состояния их вооружения, планы их действий и т. п.

Германское командование, своевременно узнав от Мясоедова о переброске 22-го корпуса из Восточной Пруссии на Юго-западный фронт, с большими силами бросилось на ослабевший фланг X армии и нанесло ей сильный удар. Когда же началось отступление русских войск, Мясоедов был озабочен тем, как бы оставить противнику тяжелые орудия, которые должны были прикрывать крепость Осовец.

Под покровительством военного министра Мясоедов действовал в X армии нагло и цинично. Когда немцы понесли в феврале 1915 г. поражение под Праснышем, заместитель Мясоедова Дифергов получил сведения о том, какие части неприятельских войск и с каким количеством орудий появились в районе Пильвишки—Вильковишки. Эти сведения были немедленно сообщены Мясоедову для того, чтобы передать их в штаб X армии для правильного развития нового удара по войскам неприятеля. Мясоедов же эти сведения просто скрыл от командования X армии. Во всех случаях, ведая разведкой X армии, он давал командованию совершенно ложные сведения о неприятеле, спутывая этим все карты.

Для отвода глаз Мясоедов распространял слух, что причиной неудачи русских войск была переброска из Восточной Пруссии на Юго-западный фронт 22-го корпуса, о чем «кто-то, видимо, сообщил немцам».

При обыске у Мясоедова были найдены сведения о передвижении частей и в том же числе упомянутого 22-го корпуса. В сообщении, выпущенном после ареста Мясоедова, штаб главнокомандующего Западного фронта извещал, что эти сведения не должны были находиться у Мясоедова по роду его обязанностей.

СУХОМЛИНОВ В РОЛИ ПОКРОВИТЕЛЯ ШПИОНОВ

Огромная ценность Сухомлинова для германской и австрийской разведок заключалась, главным образом, в том, что он своим «авторитетом» и положением помогал спасению разоблаченных помимо его воли шпионов.

Эта роль высокого покровителя и защитника заведомых шпионов особенно наглядно выявилась в деле Оскара Альтшиллера — сына небезызвестного главаря киевской шайки австрийских агентов. Когда Оскар Альтшиллер и его родственник Фридрих Коннер были арестованы, зять Коннера Мозерт обратился к Сухомлинову с просьбой о помощи. Сухомлинов не замедлил послать ходатайство об этом губернатору Трепову. На следующий же день Сухомлинов написал товарищу министра внутренних дел генералу Джунковскому письмо, в котором, ходатайствуя об освобождении арестованных, между прочим писал: «Семью эту я отлично знаю и могу за них поручиться. Не могу допустить, чтобы за шесть лет они могли измениться».

Оскар Альтшиллер и Коннер были освобождены, и им разрешено было остаться на жительстве в г. Киеве.

Между тем про Оскара Альтшиллера было хорошо известно, что он являлся продолжателем шпионских дел отца после отъезда последнего за границу. Оскар Альтшиллер очень часто, иногда по нескольку раз в день, бывал у австрийского консула. После этих посещений консул всегда посылал своему правительству шифрованные телеграммы. Не было большим секретом и то, что Оскар Альтшиллер находился в тесном общении со шпионами Николаем Гошкевичем и полковником Ивановым (о них речь впереди).

Другой пример. Главным управлением генерального штаба был зарегистрирован в качестве подозрительного по шпионажу лица представитель германских оружейных фабрик, русский подданный Федор Шиффлер. Ввиду этого еще до начала военных действий в 1914 г. отдел генерал-квартирмейстера Главного управления генерального штаба просил петербургского градоначальника выслать Шиффлера из столицы. Шиффлер был арестован. На следующий день генерал Сухомлинов путем личного разговора по телефону с градоначальником распорядился отменить приказ об аресте. Когда же в декабре 1914 г. Шиффлеру было предложено покинуть Петербург и выехать в Вологодскую губернию, в дело снова вмешался Сухомлинов. На обращенном к нему письме Шиффлера с ходатайством о новом заступничестве военный министр наложил резолюцию: «Нач. Генер. Штаба. Лично знаю г. Шиффлера и не могу понять, в чем его обвиняют. Прошу доложить».

Высокий покровитель шпионов добился и на этот раз своего. Дело о Шиффлере было пересмотрено, и с[illegible] со-

тался в Петербурге со своими друзьями по шпионской работе.

Третий случай. Бывший венгерский подданный Кюрц еще в 1911 г. обратил на себя внимание полиции своими связями с одним из руководителей германского шпионажа в Петербурге — капитаном Зигфридом Геем. Кроме того, адрес Кюрца был обнаружен в записной книжке Гарольда Вильямса, корреспондента иностранных газет, арестованного в Петербурге по подозрению в шпионаже.

Кюрц выдавал себя за представителя французской прессы, служил в Императорском коммерческом училище преподавателем. Наблюдением было установлено, что Кюрц, занимаясь какими-то темными делами, в то же время старался войти в доверие к лицам, занимавшим видное служебное положение. Так, он был лично известен жандармскому генералу Курлову, генералу Джунковскому и др.

В 1914 г. вновь поступили агентурные сведения, что Кюрц является австрийским шпионом.

Ввиду этого Кюрц был включен в список лиц, которых с началом военных действий намечали выслать из Петербурга. Однако в отношении Кюрца эта мера не могла быть приведена в исполнение. Его не оказалось в городе. Имелись сведения, что Сухомлинов предупредил Кюрца о необходимости временно покинуть столицу.

Через некоторое время Кюрц снова появился на столичной сцене и был арестован. Тогда на имя начальника охранного отделения Петербурга от начальника контрразведывательного отделения полковника Ерандакова поступило следующее указание: «Вследствие состоявшегося соглашения между военным министром и товарищем министра внутренних дел покорнейше прошу распоряжения об освобождении из-под стражи без последствий Ильи Романовича Кюрца...»

Но самыми любопытными являются дальнейшие события. Этот явный шпион, с помощью Сухомлинова освободившийся из-под стражи, вдруг принимается на работу (в начале апреля 1915 г.) в качестве агента разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Юго-западного фронта. Этот шаг был рискованным даже для такого матерого разведчика, как Кюрц; его новый арест мог привести теперь к провалу целой группы агентов германо-австрийской разведки. Поэтому Кюрцу было дано задание перебраться в Австрию.

Царские власти, по просьбе штаба главнокомандующего

армиями Юго-западного фронта, выдали Кюрцу заграничный паспорт. Когда они спохватились, было уже поздно: Кюрц успел перейти границу и находился в Румынии. По последующим агентурным сведениям, Кюрц вел в Бухаресте широкий образ жизни, выдавая себя за лицо, командированное в Румынию высшими военными властями России. Было замечено, что с его стороны имелись попытки обнаружить находившихся в Румынии русских агентов.

Крупный австрийский разведчик Шанцер — хозяин самого роскошного кинотеатра в Киеве — для облегчения своей шпионской работы с началом войны подал заявление о приеме его в русское подданство. Несколько киевлян, узнав об этом, написали анонимное письмо на имя начальника штаба Киевского военного округа. В письме они указывали, что Шанцер занимается шпионажем в пользу Австрии и что его не следует принимать в русское подданство, а, наоборот, нужно арестовать как шпиона. Однако с помощью Сухомлинова Шанцер получил русское подданство и затем, маскируясь личиной «русского патриота», регулярно отчислял определенный процент дохода от своего кинотеатра на нужды русской армии. А кинопленка из театра Шанцера в это время шла в Германию, принося берлинской разведке шифрованные донесения о русской армии.

Перед началом первой мировой империалистической войны, в феврале 1914 г., Сухомлинов для доклада царю составил «Перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 г. по 20 февраля 1914 г.» В этом документе были сконцентрированы сведения о важнейших военных мероприятиях России, осуществленных в предвоенные годы.

О «Перечне» могло знать только несколько лиц: сам царь, военный министр, начальник Главного управления генерального штаба и председатель Совета министров. Перечень этот заключал в себе сведения по тринадцати разделам: 1) устройству центрального и окружных управлений, 2) устройству армии, 3) комплектованию армии, 4) мобилизации армии, 5) подготовке к военным операциям, 6) вооружению войск, 7) снабжению войск инженерным имуществом и техническими средствами, 8) усовершенствованию снабжения войск предметами интендантского довольствия, 9) учебной части, 10) охранению здоровья войск и ветеринарной части, 11) поддержанию нравственности в войсках, 12) улучшению быта офицеров и нижних чинов, прохождению ими службы и 13) по оборонительным сооружениям.

Как только германская разведка узнала о существовании

подобного документа, она немедленно стала принимать меры к его получению. Главную трудность представляла отправка «Перечня» в Германию или Австрию, так как война уже началась. Доставка его в Германию произошла при следующих обстоятельствах.

В марте 1915 г. Думбадзе, племянник ялтинского градоначальника, известного самодура и любимца Николая II, вместе с князем Мачабели выехал в Америку по делам, связанным с поставками для военного ведомства. Вскоре Думбадзе вернулся в Петроград и заявил, что он доехал лишь до Стокгольма и ввиду особых обстоятельств решил отменить свою поездку в Америку. При этом он таинственно сообщил своему секретарю Морозову, что, будучи в Швеции, он при посредстве князя Мачабели познакомился с германским послом фон Люциусом, которому «втер очки» и убедил его, будто он, Думбадзе, враг России. Тогда фон Люциус пригласил его в сотрудники и обещал ему устроить поездку в Берлин. Он воспользовался этим предложением и решил обратиться к военному министру за разрешением отправиться туда, чтобы собрать полезные сведения, а затем сообщить их русскому правительству. При этом Думбадзе просил Морозова составить ему по указанному поводу докладную записку на имя Сухомлинова. Эта записка была составлена и в апреле 1915 г. была подана военному министру.

Содержание ее следующее:

«В марте настоящего года обстоятельства потребовали от меня предпринять неотложную поездку в Нью-Йорк. Остановившись в Стокгольме по поразительной случайности, убедился в том, что у германского правительства созрел и приводится в осуществление план организации смуты на Кавказе и других окраинах империи, не останавливаясь ни перед какими затратами.

Считая это свое открытие неизмеримо важнее своих личных дел, хотя и связанных с государственным интересом, я отменил свою поездку в Америку и остался в Швеции. Мои последующие наблюдения не оставили во мне ни малейшего сомнения в существовании у германского правительства настоятельной тенденции вызвать осложнения и затруднения в России, а также и в том, что организация этих начинаний, если не создана вполне, то во всяком случае усиленно создается. Имея возможность проникнуть в руководящие круги германского правительства, а с другой стороны, имея самые тесные и неразрывные связи с

Кавказом, как уроженец Грузии, я считаю своим долгом посвятить свои силы противодействию этим немецким замыслам и считаю, что этим я окажу услугу и своему отечеству — России и своей родине — Кавказу...

Это дело я готов предпринять на свой собственный риск и страх, производя расходы по своей личной деятельности на свой счет, но для этого мне необходима санкция и самая широкая поддержка меня в моих действиях со стороны русского правительства...»

Думбадзе свое желание еще мотивировал тем, что он знаком со многими лицами из членов правительства, высшего командования и финансистов Германии.

Думбадзе в своей записке сообщал, что он выдаст себя за врага России и грузинского националиста, и этого будет достаточно, чтобы завоевать к себе доверие в Германии.

Свою записку Думбадзе заканчивал словами: «...Весьма возможно, что мне удастся проникнуть в самые верхи германского правительства, и тогда значение задуманного мной дела тем более усугубится для России».

Все это было задумано с одной целью: доставить в Германию упомянутый выше «Перечень».

Еще до войны Думбадзе близко стоял к Сухомлинову и вращался в кругу германских и австрийских шпионов, орудовавших в России, принадлежа сам к их числу. В 1914 г., после начала войны, он написал книгу о Сухомлинове, которая помогла последнему удержаться на посту военного министра.

27 апреля 1915 г. Сухомлинов представил Николаю II доклад с просьбой разрешить поездку В. Думбадзе в Германию в качестве разведчика. Царь лично дал разрешение на эту поездку, несмотря на протесты разведывательного отделения Генерального штаба.

Летом 1915 г. В. Думбадзе покинул Россию, предварительно получив от Гошкевича (двоюродный брат жены Сухомлинова) копию «Перечня».

Приехав в Стокгольм, Думбадзе встретил там князя Мачабели, который к этому времени успел уже побывать в Берлине. Сопровождавший его фон Люциус представил Мачабели как негласного посланника Грузии, убежденного сторонника Германии, родовитого князя. Кроме того, фон Люциус ввел князя Мачабели как своего человека в министерство иностранных дел, где ему была официально отведена для работы отдельная комната. Словом, как писал Думбадзе, все складывалось для них благополучно.

В своих беседах в Стокгольме с грузинскими князьями фон Люциус развивал мысль о том, что Грузия должна стать самостоятельным государством и что во главе его можно поставить четвертого сына императора Вильгельма. Тогда министром финансов Грузии будет назначен он, Думбадзе, а послом при германском дворе — князь Мачабели.

Пробыв недолгое время в Стокгольме, оба грузина отправились в Берлин. Там их встретили с «исключительной почтительностью». В первый же день к ним в отель заехали заместитель министра иностранных дел Циммерман, бывший посол в России граф Пурталес и другие видные деятели императорской Германии.

На другой день они были приняты начальником генерального штаба, где имели «суждение» по военным вопросам в связи с желательным для Германии восстанием на Кавказе. При этом им было дано понять, что германский генеральный штаб широко пойдет им навстречу в деле подготовки восстания.

Думбадзе, пробыв в Германии 8 дней, вернулся в Россию (опять же через Швецию) и представил доклад о своей поездке. В этом докладе речь шла о таких вещах, которые давным давно были известны.

Доклад (отчет) о поездке состоял из 19 страниц, отпечатанных на машинке, разделялся на две главы. Первая из них была озаглавлена: «Кавказский вопрос», а другая — «Военнопленные». Уже сами заглавия кое-что говорят о содержании доклада.

Как опытный шпион, Думбадзе умело разыграл комедию со своей агентурной поездкой в Германию и благополучно доставил германской разведке важнейший и секретнейший документ.

Доклад Думбадзе был впоследствии подвергнут экспертизе в штабе главнокомандующего армиями Юго-западного фронта, причем комиссия из офицеров генерального штаба заключила, что доклад в целом не кажется правдоподобным. По утверждению комиссии, Думбадзе не производил впечатления «двойного» шпиона, а являлся исключительно шпионом-осведомителем германским.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ШПИОНСКОЙ ШАЙКИ

В декабре 1914 г. в Главное управление генерального штаба явился подпоручик 23-го пехотного Низовского полка Яков Павлович Колаковский. Он заявил, что ему

удалось бежать из германского плена, куда он попал в самом начале войны, при разгроме армии Самсонова в Восточной Пруссии. Далее Колаковский сообщил, что, обдумывая различные способы освобождения из плена, он решил прибегнуть к хитрости. Колаковский заявил германским властям о своей готовности вести для них военную разведку в России. После длительных переговоров с различными германскими должностными лицами (для этого его перевозили из лагеря на острове Деньгельм в Берлин, а затем в Алленштейн в штаб 20-го германского корпуса) его отправили в Инстербург. Здесь состоялось свидание его с лейтенантом германской разведывательной службы Бауэрмейстером, который обсудил с ним условия его шпионской работы в России.

Из беседы с Бауэрмейстером Колаковский выяснил, что этот лейтенант-шпион с матерью и двумя братьями проживал до войны в России. Находясь в России, вся семейка занималась шпионажем в пользу Германии при содействии (в течение пяти лет) офицера отдельного корпуса жандармов подполковника Мясоедова. По словам Бауэрмейстера, служа еще на станции Вержболово, Мясоедов оказывал большие услуги Германии, пропуская через границу шпионов и собирая агентурные сведения. Давая Колаковскому указания по поводу возлагаемых на него обязанностей, Бауэрмейстер, между прочим, поручил ему по прибытии своем в Петроград разыскать Мясоедова и осведомиться у него о планах и настроениях в высших кругах русского общества в связи с войной.

Из этой беседы Колаковский пришел к заключению, что Бауэрмейстер считался с Мясоедовым как со старым и опытным работником германской разведки.

В декабре 1914 г. Колаковского снабдили деньгами, паспортом, пропуском и отправили через Швецию в Россию.

Вернувшись на родину, Колаковский не знал, что своим сообщением о Мясоедове он поможет раскрыть целое гнездо шпионов, работавших для Германии при попустительстве военного министра.

19 февраля 1915 г. во втором часу ночи сильный наряд полиции явился на квартиру Мясоедова в Петрограде на Колокольной улице. Обыск продолжался 20 часов с лишним. Тут же удалось выяснить, что другая штаб-квартира мясоедовской шайки расположена на Лиговке, где в течение десятков лет проживал германский шпион Валентини.

В обеих квартирах было найдено столько документов, что для их вывоза потребовалось три воза.

Кроме Мясоедова и его жены, по обвинению в шпионаже были привлечены: Оттон Генрихович Фрейнат, барон Оттон Оттонович Гроттус, братья Самуил, Борис и Давид Фрейдберги, Отто Ригерт, Израиль Залманович Фриде, Роберт Иссакович Фальк, Густав Германович Урбан, Альберт Самуилович Гольдштейн и германские подданные: Георг Юлиус Беренд, Ричард Спойник, Ада, Густав и Александр Брауэрмейстеры.

При дальнейшем следствии были добыты данные, послужившие основанием к аресту ряда других лиц: инженера-технолога Николая Михайловича Гошкевича, полковника Валентина Григорьевича Иванова, кандидата прав Максима Ильича Веллера, дворянина Василия Давидовича Думбадзе. Разоблаченный как шпион австрийский подданный Александр Оскарович Альтшиллер к этому времени успел скрыться за границу.

Следствием было установлено существование в России с 1909 до 1915 г. шпионского центра, поставившего себе целью осведомление Австрии и Германии о составе и вооружении русских войск и степени их боевой готовности.

Было установлено, что как сам Мясоедов, так и его жена находились в близких, дружеских отношениях с военным министром Сухомлиновым.

Несмотря на многочисленные факты, свидетельствовавшие о прямом пособничестве Сухомлинова разоблаченной шпионской банде, его не тронули. Дело в том, что в лице Николая II, его жены, Распутина и германофильских кругов при царском дворе Сухомлинов имел мощную защиту. Дело же Мясоедова замять было уже трудно. Возмущение армейской массы и офицеров, широких слоев населения действиями этих шпионов дошло до крайних пределов.

Мясоедова судили и вынесли ему смертный приговор. Приговор был приведен в исполнение 19 марта 1915 г. Перед самой смертью матерый германский шпион решил покончить самоубийством, но попытка не удалась.

Узнав, что его друга уже нет в живых, уцелевший военный министр записал в своем дневнике: «Мясоедов повешен. Прости ему, господи, его тяжкие грехи».

Среди привлеченных к суду были и другие друзья и хорошие знакомые Сухомлинова. Например, полковник Иванов, инженер Николай Гошкевич и Максим Веллер, крупный делец и коммерсант.

Полковник Иванов был у Сухомлинова «специалистом» по артиллерии и укреплениям.

В 1909 г. Иванов, будучи контролером на военно-автомобильном пробеге Петербург — Москва — Киев, встретился с пожилым мужчиной и элегантной молодой дамой — это были Александр Альтшиллер и его жена. Они пригласили Иванова к себе домой и не получили отказа. С этого времени началось вовлечение Иванова в шпионскую организацию.

Благодаря Альтшиллеру Иванов связывается и с Сухомлиновым и вскоре получает чин полковника. Благодарности Иванова нет границ; германской разведке с этого времени передаются секретнейшие документы, проходящие через Главное артиллерийское управление и Артиллерийский комитет. Полковник Иванов проявляет исключительную активность: он не упускает случая побывать на каждом испытании новых орудий, приемке укрепленных пунктов. Он стремится попасть в различные комиссии, на совещания, преимущественно секретного характера. Он даже не раз ездит «по делам службы» за свой счет, объясняя это своей особой любовью к артиллерии и фортификационным работам. Так, весной 1913 г. Иванов добился разрешения съездить за свой счет для присутствия при чрезвычайно секретных опытах на острове Березань. Бывший комендант Кронштадтской крепости генерал-лейтенант Маниковский удостоверил, что во время работ на кронштадтских фортах из числа трех представителей Артиллерийского комитета, назначенных наблюдать за ходом работ, Иванов почти всегда являлся на форты без предупреждения и иногда в сопровождении каких-то приглашенных им лиц.

При обыске, произведенном в 1915 г. на квартире у Иванова, было найдено 26 различных секретных документов военного ведомства. Среди них были фотоснимки установок орудий, чертежи башенных установок, секретный журнал вооружений Кронштадтской крепости, планы пороховых складов, светокопии испытания артиллерии на линейном корабле «Андрей Первозванный», ряд планов крепостей и секретные карты пограничных районов.

Следствие по делу Иванова показало, что секретные документы в царской России хранились с преступной халатностью как до, так и во время войны.

Бывший германский агент Р., перешедший потом на сторону России, рассказывал, что им особенно помогали вся-

кие праздники, которые часто длились по нескольку дней подряд. В это время в штабах и управлениях министерств нет ни души. Между тем двух-трех дней достаточно, чтобы взять документ, сделать из него выписки и положить обратно. А умудрялись делать и так: брали документ, отвозили его в Кенигсберг, Инстербург, Торн или другой город и здесь снимали с него любое число копий.

Большинство же документов германская разведка получала прямо в оригинале. Упомянутый германский агент Р. рассказывал: «Мне приходилось перевозить через границу целые сундучки с такими документами. Надо удивляться, насколько дело поставлено небрежно у вас, в России. У нас, в Германии, когда печатается секретная вещь, то при этом стоит офицер и унтер-офицер, которые выдают бумагу счетом и счетом ее принимают, следят за рабочими станками и камнями. Кроме того, у вас, повидимому, очень мало железных и запечатанных шкафов, а также внутренней охраны. Наконец, что еще удивительнее, что, выдавая известным лицам секретные документы и требуя расписки в их получении, у вас затем уже, повидимому, никогда не проверяют, имеется ли данный документ еще у получивших его лиц и не требуют даже возвращения его. Иначе, как бы мы получили документы за штемпелем и номером, причем выдавший не требовал даже его возвращения по миновании надобности, а отдавал в полную нашу собственность».

Иванов все эти возможности использовал во-всю. При обыске у него были найдены письма, в которых иной раз фигурировали странные слова и подписи, например: «франт», «Артур», «кудрявый», «папаша», «мамаша», «господин с Мойки», «кузен», «супруга», «тысячный» и др.

Жена полковника Иванова раскрыла тайну этих воровских кличек: «папашей» называли Альтшиллера, «мамашей» — его жену, «кузеном» — инженера Гошкевича, «супругой» — жену Сухомлинова, а «господином с Мойки» — самого военного министра, так как его квартира находилась на набережной реки Мойки в Петрограде. Иванова знала еще, что ее мужа в шпионском кругу зовут «Артуром», что военный министр генерал Сухомлинов в личных письмах к Альтшиллеру любил иной раз расписаться словом «Франт» на немецком языке. При обыске, произведенном у шпиона Веллера, обнаружена была в записной книжке отметка: «Артур 72-81». По справке оказалось, что под этим номером значился телефонный аппарат полковника Иванова. При этом были получены дополнительные дан-

ные о «деятельности» Иванова в Артиллерийском комитете.

У Веллера, этого «коммерческого дельца», фирма которого завела на русские деньги 40 представительств в Германии, было также найдено много секретных документов.

Не менее колоритной фигурой в шпионском центре был и инженер Гошкевич — двоюродный брат жены Сухомлинова. Родственная близость к военному министру много способствовала успешности его шпионской деятельности.

Во время войны, чтобы быть ближе к фронту, Николай Гошкевич вступил в члены «Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне воинам и их семьям». Как член этого общества Гошкевич участвовал в устройстве лазаретов, в перевозке раненых и больных с фронта и вещей для них на фронт. Во время этих поездок он бывал в штабе X армии, где в это время работал Мясоедов. Здесь происходили их встречи.

Но, конечно, крупнейшей заслугой Гошкевича перед германо-австрийской разведкой была передача Василию Думбадзе «Перечня», составленного «в целях укрепления обороны России» военным министром генералом Сухомлиновым.

КАК ШПИОНЫ ДОБИВАЛИСЬ ПОРАЖЕНИЯ РОССИИ

Германо-австрийская шпионская организация в России не ограничивала свои задачи только собиранием и передачей секретных военных сведений. Размах ее деятельности был очень велик, причем не упускалось ничто в целях осуществления разоружения России: срыва всей ее военной подготовки, в особенности уменьшения запасов боевого снаряжения, сокращения производительной мощи военных заводов. Вся эта работа проводилась при полном пособничестве Сухомлинова, добившегося к тому же полной бесконтрольности на посту военного министра.

Уже в сентябре 1910 г. приказом по военному министерству было объявлено распоряжение о непосредственном предоставлении военному министру всех докладов по основным отраслям военного управления. Облеченный, таким образом, огромной властью, Сухомлинов единолично распоряжался в военном ведомстве. Все это открыло окружавшей Сухомлинова шпионской шайке большие возможности для прямой вредительской работы в области военной готовности России.

В 1910 г. была произведена реорганизация армии, связанная с изменением системы крепостной обороны на западной границе и всей дислокации войск. Несколько крепостей в Привислинском районе было упразднено без замены их новой системой укреплений. Вследствие упразднения крепостных войск и замены их в мирное время полевыми войсками (они в свою очередь по объявлении войны подлежали замене второочередными и ополченскими частями) открывалась возможность неприятелю занять крепости, не встретив там серьезного сопротивления.

Эти мероприятия были проведены Сухомлиновым, несмотря на решительную оппозицию как со стороны многих военных авторитетов России, так и со стороны французского генерального штаба.

В связи с предпринятой реорганизацией армии было введено новое мобилизационное расписание по губерниям. Но новый мобилизационный план к началу войны утвержден не был. Армию пришлось мобилизовать в 1914 г. по старому расписанию, без учета всего способного к призыву людского состава. В результате на значительную часть мобилизованных нехватило вооружения.

Что же касается положения о полевом управлении войск, то оно было издано лишь за два дня до объявления мобилизации, хотя работы по изданию этого положения начались тотчас же по окончании русско-японской войны.

В общем Берлин и Вена знали, что объявление войны застало русскую армию неподготовленной и необеспеченной боевыми припасами и оружием.

Прежде всего дал себя чувствовать крайний недостаток артиллерийских снарядов, винтовок и винтовочных патронов. Пополнение истраченных боевых запасов было крайне затруднено из-за полной неподготовленности русской промышленности. В этот период наглядно сказались результаты многолетней подрывной деятельности германо-австрийской разведки против царской России.

1 сентября 1914 г. Главное артиллерийское управление сообщило начальнику штаба верховного главнокомандующего, что «никакого запаса огнестрельных припасов не существует». Накопленных в мирное время запасов снарядов, например, хватило лишь на один месяц, а новые не поступали. С фронта шли отчаянные вести о недостатке боеприпасов. Уже 12 октября 1914 г. генерал Забелин телеграфировал, что «положение с пушечными патронами на Юго-западном фронте становится критическим». Генерал Януш-

кевич 13 октября 1914 г. в телеграмме из Ставки сообщал: «Главный гигантский кошмар — это пушечные патроны». Он же в письме от 22 ноября 1914 г. сообщал, что «с уменьшением числа орудий и числа патронов стало выбывать из строя на 50—60% больше людей».

Такое положение создалось повсюду. С Кавказа также телеграфировали, что «недостаток патронов ставит армию в безвыходное положение».

На вопли о помощи армия получала один ответ от главного начальника снабжения: «Нет ни одного парка».

Генерал Сухомлинов в эти дни писал в своем дневнике: «Если верно, что снарядов у нас мало, то надо обороняться, а не наступать, да еще при таких условиях...»

Положение русской армии сделалось еще более тяжелым, когда обнаружился громадный недостаток в винтовках для комплектуемых в тылу войсковых частей. Вскоре было решено отправлять многие части на фронт лишь с половинным наличием вооружения. Однако и для такого неполного вооружения воинских частей не во всех военных округах находилось достаточное количество винтовок.

В телеграмме на имя начальника Главного артиллерийского управления 31 августа 1914 г. сообщалось: «Чувствуется крайняя нужда в пополнениях, люди запасных батальонов есть, но выслать нельзя из-за отсутствия винтовок; особенно острое положение в Казанском округе, где из 10 000 можно выслать всего 1 000». В Московском военном округе недоставало 55 690 трехлинейных винтовок для маршевых рот и 22 702 берданок для дружин ополчения; для прибывающих же новобранцев винтовок не имелось вовсе. В октябре снова были получены из Казанского округа сведения об отсутствии винтовок для 132 тыс. новобранцев.

По материалам начальника мобилизационного отделения Главного управления генерального штаба видно, что «в течение первых двух месяцев войны военное министерство дошло до посылки в армию маршевых рот с $^1/_6$ табельного числа винтовок, а позже, за неимением винтовок, вынуждено было выслать пополнения вовсе невооруженными».

В октябре 1914 г. Сухомлинову было доложено о нехватке 870 тыс. винтовок, причем 585 тыс. винтовок недоставало для новобранцев призыва 1914 г.

Недостаток ружейных патронов ставил армию в еще более тяжелое положение, и потребность в них особенно воз-

растала в связи с недостатком артиллерийских снарядов. Вся тяжесть огневого боя ложилась на пехоту. Дело доходило до того, что, как говорил Брусилов, в армии оставалось всего по 175 патронов на винтовку.

Между тем недостаток в оружии усиливался. Армия не имела также полного комплекта пулеметов. Янушкевич писал Сухомлинову:

«Волосы дыбом становятся при мысли, что по недостатку патронов и винтовок придется покориться Вильгельму. Чем меньше патронов, тем больше потери... Вопрос патронов и ружей, скажу, кровавый». Вот красноречивое свидетельство о положении русской армии в первый же период войны.

Генерал Янушкевич впоследствии в своих письмах утверждал, что «...все наши военные неудачи, начиная с Лодзи и кончая августом 1915 г., на ¾ обусловлены и вызваны недостатком боевых припасов».

Преступная деятельность военного министерства, во главе которого находился Сухомлинов, привела к тому, что в летнюю кампанию 1915 г. русская армия вынуждена была очистить Галицию, а затем и Польшу.

Положение обострилось до невероятности. Части таяли, а в тылу большое количество безоружных солдат ожидало винтовок от убитых и раненых.

Фронт для русских солдат стал простой мясорубкой. Когда немцы на данном участке выпускали 3 тыс. тяжелых снарядов, русские могли послать в ответ едва 100.

На все тревожные сообщения о недостатке боевых припасов и настойчивые указания Ставки принять все возможные, хотя бы крайние меры к обеспечению армии, — Сухомлинов неизменно отвечал в общих выражениях, что все необходимые меры им приняты. Такие успокоительные реляции генерала Сухомлинова лишали, по свидетельству генерала Янушкевича, Ставку верховного главнокомандующего возможности принять самостоятельные меры к устранению или уменьшению размеров патронного и ружейного голода.

Особый интерес для характеристики вредительской работы Сухомлинова представляет его переписка о недостатке артиллерийских снарядов с послом Французской республики Палеологом. 13—26 сентября 1914 г. Палеолог обратился к Сухомлинову с нотой следующего содержания: «Вследствие требования генерала Жоффра французский военный министр желал бы знать, достаточно ли снабжена импера-

торская российская армия артиллерийским снаряжением для непрерывного продолжения враждебных действий. Полагает ли его высокопревосходительство императорский военный министр возможным продолжать операции без остановки, допуская, что расход снарядов будет продолжаться в условиях настоящего времени. В противном случае, до какого предела его высокопревосходительство полагал бы нужным вести непрерывные операции».

15/28 сентября 1914 г. от Сухомлинова поступило на имя Палеолога следующее письмо: «В ответ на ноту французского посла от 13/26 сентября военный министр имеет честь сообщить, что настоящее положение вещей относительно снаряжения российской армии не внушает никакого серьезного опасения. В то же время военное министерство принимает все необходимые меры для обеспечения армии всем количеством снарядов, которое ей необходимо, имея в виду возможность длительной войны и такой расход снарядов, какой обозначился в недавних боях».

После такого успокоительного сообщения военного министра отступление русских войск в ноябре 1914 г. вследствие недостатка снарядов вызвало естественное удивление всех союзников России. Французская дипломатия стала настойчиво требовать прямого ответа на ее первый запрос.

После раскрытия мясоедовской германо-австрийской шпионской организации царское правительство решило, наконец, расследовать деятельность органов военного министерства. 25 июля 1915 г. была учреждена «верховная комиссия для расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии» (под председательством члена государственного совета инженера-генерала Петрова). Верховная комиссия занялась также расследованием деятельности самого военного министра, бывшего начальника Главного артиллерийского управления генерала Кузьмина-Караваева, начальника Главного управления генерального штаба генерала Жилинского и ряда других лиц.

Без большого труда удалось установить, что германо-австрийская разведка через многочисленную сеть своей агентуры проводила такие мероприятия, которые привели военную промышленность России и снабжение армии боеприпасами в катастрофическое состояние.

По директиве Сухомлинова была сознательно сокращена существующая производительность казенных оружейных заводов в четыре раза, а артиллерийских заводов—в два раза.

В то время как имелась полная возможность удовлетворить действующую армию винтовками, она испытывала в них большой недостаток. Во время войны при ежемесячном пополнении в 350 тыс. человек армия царской России с большим трудом получала 200 тыс. винтовок в месяц. Таким образом, ежемесячно невооруженными оставалось 150 тыс. солдат из новых пополнений. Если еще учесть потери оружия во время боев, то станет ясным, насколько велик был недостаток винтовок.

Такое же катастрофическое положение создалось в первые же месяцы войны с пулеметами, винтовочными патронами, снарядами и взрывчатыми веществами. Положение еще более усложнилось после того, как стало ясным, что война принимает затяжной характер.

Война 1914 — 1918 гг. была первой войной, которую нельзя было вести, опираясь исключительно на запасы наличного боевого снаряжения. Начавшаяся война поставила во всю ширь вопрос о необходимости иметь для продолжительного ведения ее мощную промышленность, способную беспрерывно питать действующую армию всем необходимым. Подрывная работа германской и австрийской разведок в царской России была именно направлена к тому, чтобы затормозить развитие стратегических отраслей промышленности и тем самым нарушить во время войны нормальное питание русской армии боеприпасами.

Конечно, в отставании военной промышленности царской России была повинна прежде всего ее общая экономическая отсталость, являвшаяся результатом нахождения у власти помещиков и капиталистов, душивших развитие производительных сил страны. Это являлось основной причиной военной слабости царской России. Вместе с тем подрывная деятельность германо-австрийской шпионской организации в огромной мере усугубила тяжелое положение армии царской России в части питания ее боеприпасами, так как даже и эти слабые производственные возможности царской России не были использованы до конца, чем и была сорвана мобилизационная подготовка промышленности.

Срывая питание армии боеприпасами, члены шпионской организации до и во время первой империалистической войны подняли в печати невероятную шумиху вокруг вопросов обороны. Они говорили, что Россия образцово подготовлена к войне, и в этом отношении огромную работу проделал, мол, сам генерал Сухомлинов.

Это было своеобразным усыпляющим средством, пущен-

ным в ход шпионской организацией. Например, В. Думбадзе в своей книге «Генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов» писал: «Ни для кого в настоящее время не новость, что Россия ни в одну войну, которую ей приходилось до сих пор вести, не находилась на такой степени подготовки, как в настоящую войну с Германией».

Верховная следственная комиссия выяснила жуткую картину, царившую в военном министерстве. Заказы на боеприпасы раздавались таким лицам и организациям, которые заведомо никогда не были в состоянии их выполнить. Например, заказы на дистанционные трубки, данные обществу «Промет», даже не были приняты к исполнению.

Другой метод вредительства заключался в разбазаривании средств, отпущенных военному ведомству на производство боевого снаряжения. Например, когда русские заводы готовы были изготовлять пулеметы по цене 1 тыс. рублей за штуку, то заказы на такие же пулеметы (такого же качества) были сданы фирме «Виккерс» и заплачено ей было по 1 750 рублей. В эти годы вокруг заказов военного министерства вообще творилось что-то невероятное. На военных поставках разные темные дельцы-шпионы «зарабатывали» десятки миллионов. Упомянутый выше Василий Думбадзе на поставках снарядов «заработал» 2 млн. рублей; шпион Веллер — около 13 млн. и т. д. Полковник Иванов, сам Сухомлинов и инженер Гошкевич кормились не только от щедрот германской разведки, но и из кассы военного министерства. Эти и подобные им люди облепили прогнившее тело военного министерства и всей царской России. Подкупы, взятки тесно переплетались со шпионажем.

Шпион Веллер на суде обратился к председательствующему: «Разрешите быть мне откровенным», и, получив разрешение, Веллер взял да и бухнул: «Я подкупил великих князей Сергея Михайловича и Николая Николаевича». Председатель суда, сделав кислую мину, предложил Веллеру «их высочеств» не касаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Накануне снятия Сухомлинова с должности военного министра члены военно-морской комиссии Государственной думы, входившие в состав «особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства», писали: «Мы узнали, что доблестная наша армия, истекая кровью и потеряв уже свыше 4 000 000 воинов уби-

тыми, ранеными и пленными, не только отступает, но, быть может, будет еще отступать. Мы узнали и причины этого горестного отступления. Мы узнали, что армия наша сражается с неприятелем неравным оружием, что в то время как враг наш засыпает нас непрерывным градом свинца и стали, мы посылаем ему в ответ во много раз меньшее число пуль и снарядов. Мы узнали, что в то время как у врага нашего изобилие пушек легких и тяжелых, у нас последних совершенно недостаточно, а легкие пушки выпустили уже столько снарядов, что скоро начнут одна за другой выходить из строя. Мы узнали, что в то время как враг наш с каждым днем увеличивает число своих пулеметов и довел их уже, по сведениям, сообщенным нам военным ведомством, до грозного числа 55 000, у нас едва хватает пулеметов для пополнения утрачиваемых и пришедших в негодность. Кроме того, вследствие недостаточности винтовок, новобранцы обучаются по нескольку солдат на одну винтовку, что при краткости срока обучения не может не влиять самым губительным образом на дело боевой подготовки людей. То же обстоятельство, что эти люди отправляются на театр военных действий невооруженные, без винтовок, и долго стоят в тылу, ожидая получения оружия, глубоко влияет на их душевное состояние и приучает их смотреть на себя, как на обреченных, которым суждено умереть, но не дано возможности бороться...

Мы узнали, как совершилось наше отступление из Галиции. Мы узнали, что войска, отступая, почти нигде не находили приготовленных укрепленных позиций. Мы узнали, что после тяжелых переходов войска должны были сами рыть себе наспех, на скорую руку, жалкие окопы, пока неприятель не подходил и не засыпал истомленных, обессиливших людей смерчем тяжелых снарядов. Мы узнали также, что еще год тому назад, в первые же дни войны один из дальновидных военачальников требовал начать работы по укреплению Киева. Ему было в том отказано. Мы узнали, что даже самые важные места, большие города на нашей родной земле не укреплялись совсем или укреплялись недостаточно».

Народные массы, в особенности солдаты, испытавшие на своей спине все зло сухомлиновских дел, поняли, что в высших военных сферах сидят изменники, предатели, немецкие шпионы. Отовсюду шли письма с требованиями убрать шпионов и вредителей.

Верховная следственная комиссия, куда входили люди,

презиравшие рабочих и крестьян, ненавидевшие народ, и та вынуждена была признать, что «народ знает, что снарядов и пуль мало, он знает, что кто-то в этом виноват».

Громадные жертвы, понесенные в боях, тяжело переживал народ. Но всего сильнее волновали передовых людей России те порядки, которые довели страну до катастрофического положения. Они знали, что те люди, которые так рьяно боролись с революционным движением, применяя страшные пытки против честнейших сынов России, были самыми отвратительными предателями и изменниками родины.

Тучи начали сгущаться над Сухомлиновым. Союзники стали открыто выражать свое недовольство деятельностью его как военного министра России. Они считали, что политика Сухомлинова грозит России поражением и тем самым усилением нажима немцев на других фронтах.

Сухомлинов народом был изобличен уже давно. Солдатская масса говорила во всеуслышание об измене в верхах военного управления. Русская буржуазия, жаждавшая военных успехов, также была недовольна действиями Сухомлинова и его компании.

Но низвергнуть Сухомлинова было нелегким делом. За его спиной стоял почти весь царский двор и влиятельные лица из русских помещиков, немецких генералов и знати, служивших тогда в России. Борьба с Сухомлиновым была трудна еще и потому, что его поддерживали лично Распутин, царица, Борис и Мария Павловна Романовы, не говоря о других влиятельных лицах из придворных кругов.

Гучков в своих показаниях на Верховной следственной комиссии отмечал: «Для меня, таким образом, вполне выясняется картина организованного вокруг военного министра иностранного шпионажа, и я все эти факты несу опять представителям правительств, убеждая их принять решительные меры к захвату этой организации, но я встречаю нерешительность, робость и колебания. Положение г. Сухомлинова чрезвычайно сильно, и борьба с ним может плохо закончиться для тех, кто на нее отважился».

Действительно, компания Сухомлинова применяла различные методы запугивания своих разоблачителей: снятие с должностей, обвинение в шпионаже, в провокации, объявление сумасшедшими, обвинение в казнокрадстве, аресты и убийства, ссылка. В этом отношении характерным являлось дело одного русского разведчика Александра Машека.

Когда Машек в 1915 г. начал говорить о шпионской деятельности Сухомлинова, его сейчас же арестовали и зверски пытали, желая заставить его отказаться от своего заявления. Ему угрожали виселицей. Когда Машек все же продолжал доказывать, что Сухомлинов шпион, тогда Машека объявили сумасшедшим и без суда выслали.

Почти одновременно на участке XI армии были задержаны два шпиона. Они были изобличены и по приговору полевого суда приговорены к смерти. Один из них, по фамилии Пикета, был сразу повешен. Исполнение же приговора над другим — Якубцом — было приостановлено по той причине, что он обещал дать сугубо важный материал. И, действительно, Якубец указал на важного австрийского агента, проживающего в Тарнополе под именем Николая Яроша. Работая в качестве парикмахера, Ярош в действительности был австрийским офицером. При аресте и обыске у него были найдены: фотокарточка Яроша в форме австрийского офицера, заметки со сведениями, касающимися численности и расположения русских войск.

Допрашивал этого шпиона следователь по особо важным делам при управлении генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего.

С 1908 г., после окончания академии «Марии Терезы», Ярош, он же Мюллер, находился на службе в военном министерстве в Вене. Во время войны Мюллер работал как в штабе австрийской действующей армии, так и в тылу русских войск. «Разведывательная работа на территории России,— говорил Мюллер,— проходила в полной согласованности с работой офицеров и разведывательных органов Германии. Так как наша работа производится одновременно и согласно с работой таких же офицеров в Германии, то мне, помимо связей и агентурной сети, раскинутой Австрией в России, в общих чертах известна такая же сеть, созданная в России Германией. Как австрийские, так и германские подотделы с особым составом агентов издавна находились в Петербурге, Москве, Киеве и в Варшаве, а также и в Одессе. Эти подотделы привлекали к себе на службу лиц, которым можно было бы безусловно доверять и которые действительно обладали бы ценными для Австрии и Германии сведениями. Так, во всех этих городах у нас состояли на службе многие офицерские чины как общей, так и жандармской полиции».

На каждого агента, работавшего в пользу Германии и Австрии на территории России, в разведывательных отделах

генеральных штабов упомянутых стран имелось личное дело. В это дело вносились все данные об агенте, его биография, фотокарточка и весь агентурный материал, доставленный им за время работы.

По словам Мюллера, в Петербурге шпионской деятельностью руководили лейтенант германской армии Бауэрмейстер и фон Люциус. Мюллер указал, что в г. Тарнополе имеется иезуитский монастырь, который служил важным пунктом австрийского шпионажа. В этом монастыре служители культа имели наблюдательный пункт, откуда при помощи подзорной трубы монахи следили за передвижением и сосредоточением русских войск. Посредством особых фонарей монахи подавали сигналы австрийцам.

Но Мюллер раскрыл более важную тайну. Он, к изумлению следователей, стал называть фамилию Сухомлинова.

Все шпионы в России, по словам Мюллера, были разбиты германским генеральным штабом на мелкие самостоятельные группы. Эта мера необходима была для того, чтобы на случай провала той или иной группы сохранить от гибели другие группы. Наиболее крупных шпионов в России было 48. В числе их был военный министр России Сухомлинов. «С ним Германия, — рассказывал Мюллер, — работала уже много лет до войны, но непосредственной связи с ним не имели, так как это было бы очень опасно. Работал же с министром Сухомлиновым германский генеральный штаб при посредстве своих агентов. С этими приближенными к Сухомлинову лицами Германия имела давнишние налаженные связи и непосредственно с ними вела работу. Таких посредников между Сухомлиновым и германским генеральным штабом было 10 — 12 человек. Из них был один военный инженер, служащий в русском военном министерстве, и лицо, занимавшее очень высокий пост в управлении почт и телеграфов.

Я, — продолжал свои показания Мюллер, — дело генерала Сухомлинова видел лично и бегло его просмотрел. Дело довольно объемистое, и потому можно было заключить, что сведений от него было добыто очень много. Понятно, сведения эти касались военной мощи России и действительного количества войск, которое могла развернуть Россия, а также запасов оружия и боевых припасов. Я помню, что в этом деле имелись указания на те доклады, кои представлял генерал Сухомлинов государю императору, и на те слова, кои были высказаны государем императором генералу Сухомлинову».

На вопрос следователя: «Сознательно ли Сухомлинов оглашал секретные сведения перед известными лицами для передачи их в Германию?» — Мюллер ответил: «Да, Сухомлинов оглашал эти сведения намеренно для передачи их в Германию». И дальше: «На ваш вопрос—почему я так решительно это утверждаю — отвечаю: генерал Сухомлинов оглашал секретные сведения перед такими лицами, которые ничего общего с этими сведениями не имели. Так, например, мы получали от одного из знакомых генерала Сухомлинова, военного инженера, служащего в русском военном министерстве (фамилии его я не помню), секретные сведения вовсе не по инженерной части, каковые сведения сообщал этому инженеру генерал Сухомлинов».

Допрос Мюллера происходил в Ставке, и Николай II знал показания Мюллера о Сухомлинове. Но все-таки эти важнейшие показания замалчивались.

Но факты были настолько вопиющими, нажим союзников и буржуазии настолько силен, массы были так недовольны, что царский двор, скрепя сердце, вынужден был пойти на уступки и снять Сухомлинова с поста военного министра.

По этому поводу Николай II в своем письме к Сухомлинову от 11 июня 1915 г. писал: «Владимир Александрович, после долгого раздумывания пришел к заключению, что интересы России и армии требуют вашего ухода в настоящую минуту. Имев сейчас разговор с вел. кн. Николаем Николаевичем, я окончательно убедился в этом. Пишу сам, чтобы вы от меня первого узнали. Тяжело мне высказывать это решение, когда еще вчера видел вас. Столько лет проработали мы вместе и никогда недоразумений у нас не было. Благодарю вас сердечно за всю вашу работу и за те силы, которые вы положили на пользу и устройство родной армии. Беспристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников. Сдайте пока вашу должность Вернандеру. Господь с вами. Уважающий вас Николай».

После своего снятия с поста военного министра Сухомлинов почти 10 месяцев был еще на свободе. Широкие круги армии были недовольны полумерами царского правительства. Они требовали ареста и привлечения Сухомлинова к судебной ответственности. После долгих колебаний царское правительство, наконец, решило арестовать Сухомлинова. Это произошло 21 апреля 1916 г.

Аресту Сухомлинова предшествовало совещание след-

ственных властей. Царю доложили, что общественное мнение крайне возбуждено действиями Сухомлинова и союзники настаивают на его аресте и открыто говорят о безусловной причастности Сухомлинова к шпионажу в пользу Германии. Только тогда Николай II вынужден был пойти на уступки.

При обыске на квартире Сухомлинова были найдены коды, шифры, костюмы извозчика и крестьянина — лапти, армяки, свитки — все то, во что Сухомлинов наряжался во время посещения конспиративных квартир шпионов. На вопрос, почему все эти вещи находятся у него, он ответил, что он любит забавляться переодеванием. Среди прочих материалов была обнаружена телеграмма, проливщая некоторый свет на причастность Сухомлинова к убийству Столыпина.

С первых дней ареста Сухомлинова Распутин и царица делали все возможное, чтобы дело замять. Нажим на Носовича — обер-прокурора уголовно-кассационного департамента — со стороны двора усиливался.

Следствием были установлены новые подробности предательства Сухомлинова, и против него были выдвинуты обвинения по 108, 338, 339, 341, 362 статьям уголовного уложения. Иначе говоря, Сухомлинов обвинялся в предании армии и флота неприятелю, т. е. в государственной измене, шпионаже, превышении власти, бездействии, мошенничестве.

Сухомлинов в ответ на эти обвинения сочинил целый контробвинительный акт против «крамольных» изобличителей. Он признавал себя виновным только в отсутствии предвидения, что война примет такие гигантские размеры и потребует такого напряжения сил страны,— мол, этого не только он не учел, но и все военные министры всех стран. Нужно отдать должное Сухомлинову: его письменный ответ на обвинения, выдвинутые против него, составляет великолепный документ изворотливости профессионального шпиона.

Арест Сухомлинова явился большим событием в жизни руководящих слоев царской России. Буржуазия, недовольная политикой Николая II и его ближайшего окружения, стала ожидать дворцового переворота. События действительно назревали. После ареста Сухомлинова последовало убийство Распутина. Однако режим царского самодержавия все еще держался.

Сухомлинов был помещен в одной из камер знаменитого Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Этим

жестом царское правительство хотело показать союзникам и широким массам, что оно собирается жестоко расправиться с изменником. Но все это была только комедия. В равелине Сухомлинову были созданы самые лучшие условия. На второй же день после ареста ему разрешили свидание с женой. В последующие дни она почти ежедневно посещала его.

Дальше дело пошло именно так, как того пожелала придворная камарилья. Царь вынес следующее решение: «Ознакомившись с данными предварительного следствия верховной комиссии, нахожу, что не имеется оснований для обвинения, а посему дело прекратить. Николай» (телеграмма министру юстиции от 10 ноября 1916 г.).

Если в первый раз Сухомлинова спасли от суда царь, Распутин и дворцовая клика, то во второй раз этого шпиона спас Керенский.

Имя Сухомлинова в сознании солдат было связано с рядом гнусных предательств. Солдаты в первый же день свержения самодержавия стали искать Сухомлинова, чтобы он перед возмущенной солдатской массой ответил за свои злодеяния.

Монархист-черносотенец и один из друзей Сухомлинова — депутат IV Государственной думы Шульгин в своей книжке «Дни» описывает сцену спасения Сухомлинова Керенским:

«В этот же день Керенский спас и другого человека (первым спас Керенский Протопопова), против которого было столько же злобы. Привели Сухомлинова. Его привели прямо в Екатерининский зал, набитый народом. Расправа уже началась. Солдаты уже набросились на него и стали срывать погоны. В эту минуту подоспел Керенский. Он вырвал старика из рук солдат и, закрывая собой, провел его в спасительный павильон министров. Но в ту же минуту, когда он его впихивал в дверь, наиболее буйные солдаты бросились со штыками... Тогда Керенский со всем актерством, на какое он был способен, вырос перед ними: «Вы переступите через мой труп...» И они отступили...»

Все же буржуазное Временное правительство под давлением масс было вынуждено арестовать Сухомлинова и его жену и предать их суду. В сентябре 1917 г. шпион Сухомлинов был приговорен к пожизненной каторге. Однако позднее, не без помощи агентов германского империализма и генеральной клики, Сухомлинову удалось бежать за границу, в Германию, где он и умер в 1926 году.

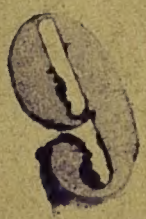
СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	13
Сухомлинов, Мясоедов и компания	14
Шпионаж под вывеской торговых фирм и промышленных предприятий	26
Шпионаж через посредство нейтральных стран	33
Германо-австрийские шпионы на фронтах России	37
Сухомлинов в роли покровителя шпионов	45
Разоблачение шпионской шайки	51
Как шпионы добивались поражения России	56
Заключение	62

Редактор старший политрук *Большаков.*
Техн. редактор *Горбунова.* Корректора *Плотникова, Меркелов.*

Сдано в производство 21.XII.39	Подписано к печати 21.VI.39
Формат бумаги 84×108/32	Объем 4½ печ. л., 4 уч.-авт. л.
Главлит № Г—3069	Изд. № 706. Заказ № 4503

Отпечатано во 2-й типографии Государственного военного издательства НКО СССР им. Клима Ворошилова, Ленинград, ул. Герцена, 1.

Цена 90 коп.

26722